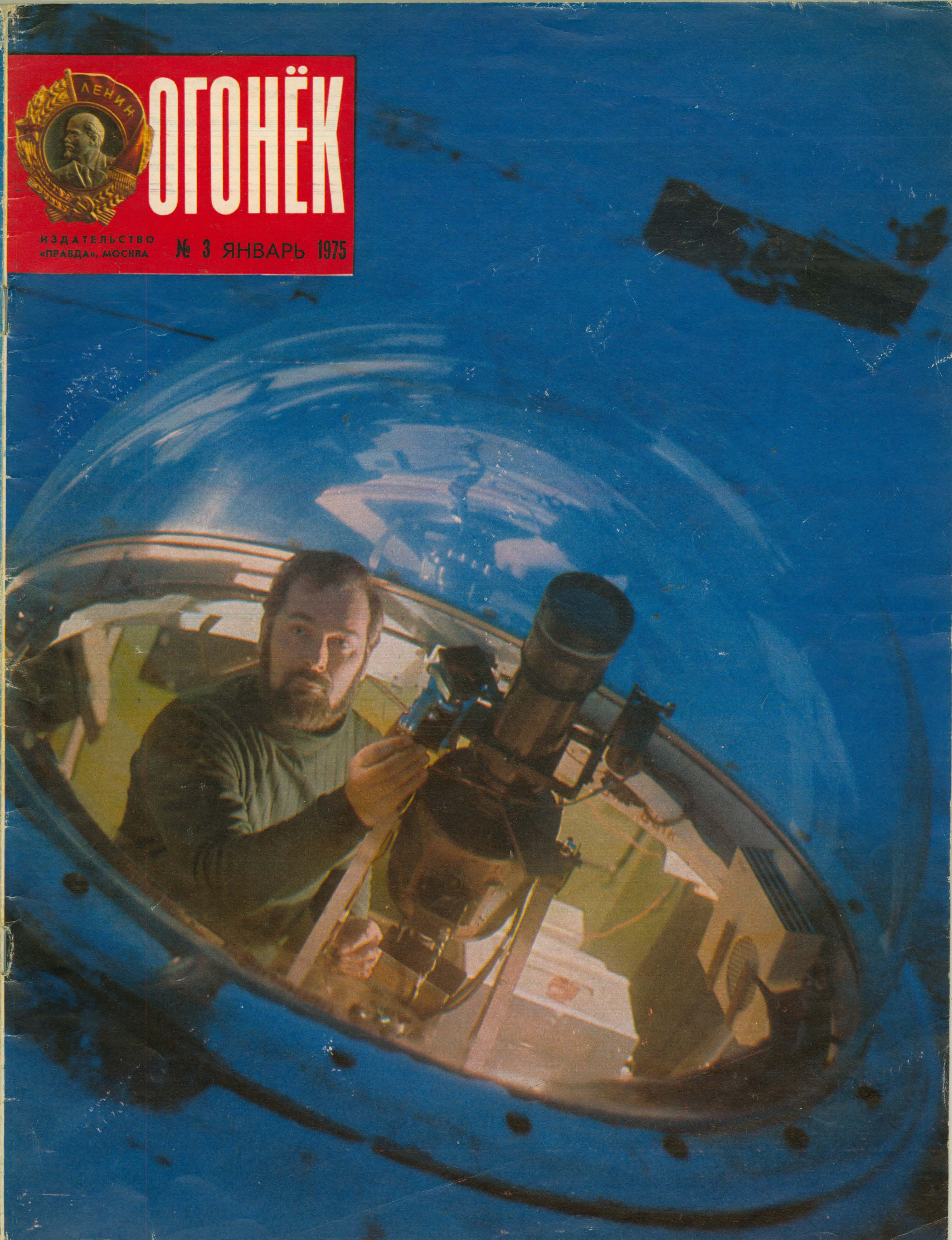


ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 3 ЯНВАРЬ 1975

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая партия Советского Союза

ПРАВДА

Газета основана 5 мая 1912 года В. И. ЛЕНИНЫМ

Орган Центрального Комитета КПСС

№ 4 (20608) • Суббота, 4 января 1975 г. • Цена 3 коп.

Выше знамя всенародного социалистического соревнования за успешное завершение пятилетки, за выполнение величественных задач, поставленных XXIV съездом КПСС!

ОБРАЩЕНИЕ Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу

Дорогие товарищи!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 3 (2480)

11 ЯНВАРЯ 1975

Год от года наша Родина становится богаче и сильнее, улучшается жизнь народа. С глубокой верой в будущее, в правоту исторического дела, завещанного нам великим Лениным, мы идем вперед к намеченной цели — коммунизму.

Центральный Комитет КПСС выражает уверенность в том, что наша партия, весь советский народ и в завершающем году пятилетки будут работать с неиссякаемой творческой энергией, проявят высокую организованность и добьются новых замечательных побед на всех направлениях коммунистического строительства.

Выше знамя всенародного социалистического соревнования за успешное завершение пятилетки, за выполнение величественных задач, поставленных XXIV съездом КПСС!

Из Обращения Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу.

Как программный документ восприняли все советские люди Обращение Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу. Многолюдный митинг состоялся на Московском автозаводе имени Лихачева. Коллектив этого предприятия на митинге принял новые социалистические обязательства и встречный план на 1975 год.

Фото В. СОБОЛЕВА (ТАСС).

«В широких масштабах продолжалось жилищное строительство. С начала пятилетки 45 миллионам человек улучшены жилищные условия».

Из Обращения ЦК КПСС к партии, к советскому народу.

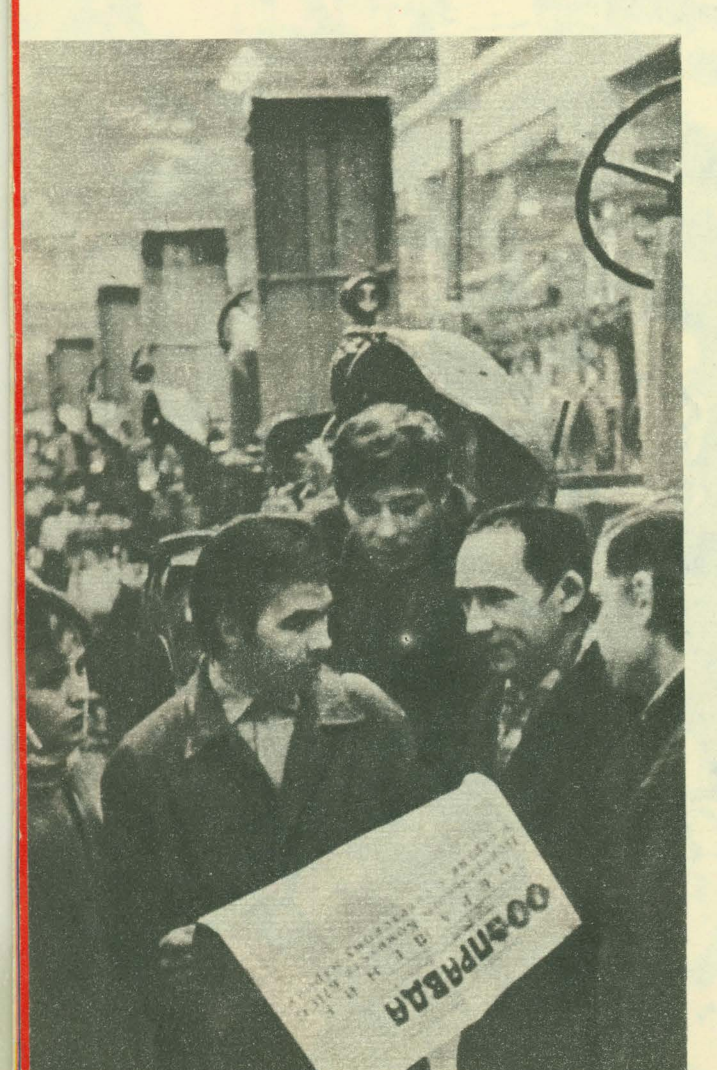
НОВОСЕЛЬЕ — ВСЕГДА ПРАЗДНИК!

С. ДВОРЕЦКИЙ,
начальник ордена Трудового Красного Знамени Московского домостроительного комбината № 1

Что ни говорите, а новоселье — всегда праздник! Я уже почти двадцать лет строю жилье, десять лет руководил монтажным управлением, теперь вот — крупнейшим в стране домостроительным комбинатом, пора бы, кажется, привыкнуть к радости новоселов и все же не перестаю волноваться, когда им вручают ключи. Было время, когда это волнение объяснялось просто: что скажут люди о нашей работе, понравятся ли им квартиры? Чего греха таить, приходилось выслушивать и нарекания, причем вполне справедливые. Теперь за качество своей продукции мы спокойны и все же... волнуемся, тревожимся. Если же учесть, что только в прошлом году мы сдали 1 миллион 300 тысяч квадратных метров жилья, а всего за пятилетку в домах, построенных нами, будет справлено 140 тысяч новоселий, то нетрудно представить, сколько у нас забот и тревог. С тем бо́льшим подъемом встретили мы Обращение ЦК КПСС к партии, к советскому народу, Обращение, в котором есть слова, касающиеся и нас, строителей: 45 миллионам человек улучшены жилищные условия. Все мы горды тем, что в этом важном деле есть и наш скромный вклад. Во всех монтажных управлениях, на заводах и в бригадах комбината прошли митинги, на которых принимались обязательства с честью завершить пятилетку.

Только в прошлом году мы «распечатали» такие огромные районы, как Бибирево, Орехово-Борисово, Отрадное и Теплый Стан, а это значит, что на голом месте появились не просто новые дома: в традиционном облике белокаменной столицы появились цветные пятна, которые, как нам кажется, еще больше подчер-

НОВЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА



В героическую борьбу всего узбекского народа за большой хлопок немалый вклад вносят труженики Ташкентского тракторного завода имени 50-летия СССР. За минувший год с конвейера завода сошло 21 634 трактора марки Т-28 Х-4 и 34 900 тракторных прицепов для бестарной перевозки хлопка-сырца. Реализовано сверхплановой продукции на 2 669 тысяч рублей.

Обсуждая Обращение Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу, коллектив завода выражает решимость в завершающем году девятой пятилетки трудиться с полной отдачей сил. Эту решимость красноречиво подтверждают новые обязательства — дать на 1 500 тракторов больше, чем в году минувшем.

В. СВАРИЧЕВСКИЙ, фото автора.

С ЧУВСТВОМ

— Вовремя приехали! Мы как раз сейчас обсуждаем Обращение ЦК КПСС к партии, к советскому народу. Итоги свои подводим,— сказал Рудольф Маннов, председатель эстонского колхоза «Рахва Выйт», Герой Социалистического Труда. — У нас есть хорошие новости.

— Дождливый год не помешал?

— Да уж добавил нам трудностей, и все же результаты оказа-

Новый год — это новые дома, новоселья. Сегодня С. Ф. Дворецкий приехал в одну из лучших бригад комбината, которой руководит В. А. Капустин.

Фото А. Бочинина

кивают четкий и строгий стиль нашего прекрасного города.

В Обращении ЦК КПСС к партии, к советскому народу сказано, что в выполнении пятилетнего плана решающее значение имеет дальнейший рост производительности труда. Для нас, строителей, этот призыв имеет особое значение: чем быстрее мы будем строить, тем больше отпразднуют новоселий. У монтажников комбината уже стало нормой: три дня — этаж. А бригада Героя Социалистического Труда, депутата Верховного Совета СССР В. Е. Копелева собирает этаж за два дня. Это значит, что 144-квартирный дом монтируется всего восемнадцать дней! Таких темпов еще не знает мировая практика. Недаром на комбинат приезжают учиться строители не только из социалистических стран, но и из Швеции, Японии, ФРГ, США.

Все это стало возможным благодаря так называемой поточной технологии, разработанной нашими инженерами, и высокой заводской готовности изделий. В системе комбината четыре завода железобетонных изделий: на одном делают наружные стеновые панели, на другом — перекрытия, на третьем — сантехнические кабины и т. д. Причем все это поступает на строительную площадку в таком виде, что монтажникам остаются только сборочные работы. Очень важно и то, что монтаж ведется с колес, иначе говоря, у нас нет складов: как только подходит панелевоз, кран тут же берет нужную деталь и поднимает ее на этаж. Тут я не могу не сказать добрых слов о шоферах автокомбината № 1, с которыми мы много лет работаем вместе: не было случая, чтобы они нас подвели.

В Обращении справедливо сказано, что нельзя закрывать глаза и на имеющиеся недостатки. Есть они, к сожалению, и у нас.

Но я уверен, что в завершающем году пятилетки мы сумеем с ними справиться и будем строить еще больше, быстрее и лучше. А это значит, больше волнений, радости и, самое главное, новоселий. Для строителей же сдача дома — всегда праздник, праздник, к которому невозможно привыкнуть.

УВЕРЕННОСТИ

лись хорошими. Я за двадцать шесть лет работы председателем убедился: дело не в земле, не в дожде и даже не в машинах, — дело в людях и в их отношении к земле и погоде.

— Насколько известно, вы твердо придерживаетесь строго животноводческого направления?

— Да, придерживаюсь. Но дело не во мне одном: все наши колхозники его придерживаются. Жизнь показала, что мы правильный путь выбрали. Для нас животноводство и кормовая база — главнее главного. На том стояли и стоять будем. Бурных скачков у нас не было, но зато и срыва ни одного не было, живем без зигзагов.

— Чем знаменателен для вашего хозяйства минувший год?

— Он в самом буквальном смысле этого слова был для нас определяющим в пятилетке и хорошим подтверждением правильности нашей главной животноводческой линии. Вот наши показатели: зерна мы получили по 33 центнера с гектара, это самый высокий урожай за всю историю колхоза. Средний удой прошлого года — 3 786 килограммов, на 220 килограммов выше предыдущего. Особенно отрадно то, что мы вовремя, до больших дождей, успели убрать сено, тем самым обеспечили нынешнюю хорошую зимовку для скота.

Стадо в этом колхозе по породистости относится ко второму классу. В минувшем году «Рахва Выйт» продал в Венгрию и Чехословакию 30 породистых быков, а цена каждого такого быка не меньше 1 800 рублей.

— А вообще каждая наша корова за 9—12 лет дает нам по 20 тысяч рублей чистого дохода,— рассказывал председатель. — Вот из этого главным образом и складывается наш ежегодный доход в два-два с половиной миллиона рублей. Средний заработок колхозника доходит у нас до 170 рублей в месяц. Отсюда вот видите,— наш новый центральный поселок: 102 благоустроенных индивидуальных дома, коммунальный «микрорайон» — восьмиквартирные и четырехквартирные дома. А несколько лет назад здесь был пустырь...

Главная наша забота — расширение посевных площадей. Вот тут у нас есть претензии к «Эстсельхозтехнике»: они еще не сдали нам 80 гектаров поднятой целины под весенний сев. Обещают сдать в апреле. Но ведь в мае уже сеять...

Во всем остальном, что касается наших колхозных дел, мы вступаем в новый год пятилетки с чувством уверенности.

Для ветеранов же войны, а нас здесь 14 человек, — заканчивает Рудольф Маннов, — год 30-летия Победы — год особый. Ветераны войны в нашем колхозе всегда были примером для молодежи. И мы тем более постараемся быть достойными года Победы, всех прожитых лет и сделанных дел. Так ответим мы на Обращение ЦК КПСС к партии, к советскому народу.

Н. ХРАБРОВА
Фото В. Сальмре

ИЩЕМ И БУДЕМ ИСКАТЬ

Минский завод электронно-вычислительных машин имени Г. К. Орджоникидзе. В эти дни в цехах, на участках, в отделах завода обсуждается Обращение Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу.

Беседуем с главным инженером этого предприятия лауреатом Государственной премии СССР Юрием Владимировичем Карпиловичем.

— Чем характерны для коллектива истекшие четыре года пятилетки?

— Поиском — упорным и последовательным, которым занимаются все рабочие, инженеры, техники. Поиском во всех направлениях. На всех этапах. Внедряем, и, надо сказать, успешно, систему бездефектного труда. Идет непрерывный процесс механизации и автоматизации производства. Осваиваются новые типы электронно-вычислительных машин. И вот итог: по сравнению с семидесятым годом выпуск их более чем утроился. К 23 декабря выполнен встречный план четвертого года пятилетки.

Однако поиск резервов не прекращается. Ведь потребность в нашей продукции огромна. Электронно-вычислительные машины находят себе применение всюду, кончая торговыми центрами. Добавлю, что в 1975 году мы должны увеличить объем производства примерно на тридцать процентов. Причем в основном за счет роста производительности труда. И по заводу имени Г. К. Орджоникидзе только за счет роста производительности труда в принятых обязательствах пятилетнее задание решено выполнить к 105-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

Новый размах приобретает социалистическое соревнование. Наряду с коллективными обязательствами берутся и индивидуальные, в них каждый, рассчитывая свои силы, обязуется внести что-то новое, способствующее общему прогрессу. Мы выпускаем сейчас машины третьего поколения, но тем не менее модернизируем их и ставим целью добиться того, чтобы производительность машин повысилась примерно в четыре раза при той же стоимости. Обязательства большие, но если берется весь коллектив, — выполним с честью.

А. ЩЕРБАКОВ

НА СУЭЦ

Леонид **ПЛЕШАКОВ**

Фото автора.

Осенью 1973 года, нарушив резолюции Совета Безопасности ООН о прекращении огня, израильские войска прорвались к Суэцу, блокировали город, лишили его воды, перекрыли пути снабжения. Три месяца продолжалась осада. Но город выстоял и победил.

...Из Каира выезжали утром, по холодку, если можно так назвать пекло, что начинается, едва солнце вывалит из-за горизонта. Наш путь лежит в Суэц. Раскаленная дорога в раскаленной пустыне. И в раскаленных машинах два десятка корреспондентов газет, радио, телевидения Европы, Америки, Азии. Поездка организована департаментом информации Египта.

Когда речь заходит о Египте, в первую очередь вспоминают о канале между Красным и Средиземным морями. О пирамидах тоже, но о канале раньше. Пирамиды — это древность, это воспоминание о колыбели человеческой цивилизации. Суэцкий канал — злоба дня. Не просто важная транспортная артерия, влияющая на производство во многих странах мира, на колебание цен мирового рынка, что само по себе уже не мало. В последние годы Суэцкий канал стал зоной повышенной напряженности, доходившей до вооруженных столкновений. Здесь лилась кровь египтян, защищавших родную страну от израильской агрессии.

У меня к Суэцу еще и личный интерес.

Весной шестьдесят пятого наша тунцеловная база после промысла в Индийском океане стала у причальной стенки Порта-Тауфик. Три дня сдавали мороженую акулу египетской торговой фирме, ждали своей очереди на проход Суэцким каналом в Средиземное море, три дня сходили на берег.

Только тот, кто проболтался шесть месяцев кряду в океане, может понять, что такое вновь оказаться на твердой земле, да еще по пути домой, да еще в весеннем Порту-Тауфик. От причалов мы шли по набережной канала в сторону города. Цветущие бугенвиллеи и тамаринды заслоняли уютные особняки суэцких лоцманов. Над голубым заливом плыли косые паруса рыбацких доу, финиковые пальмы сонно обмахивались под знойным дыханием раскаленного Синая.

Было неправдоподобно красиво.

А потом был неправдоподобный шумный Суэц, по-восточному пестрая толпа, крикливые торговцы, раскинувшие свой товар перед магазинами, меланхоличное потягивание кофе за колченогими столиками, примостившимися под тентами прямо на тротуарах. Была неожиданная встреча со старым московским знакомым, который уже год работал на нефтеперегонном заводе, а потому зверски соскучился по землякам и не отпускал нас из дому, все расспрашивал о новостях, потчуя апельсинами и позабыв на радостях, что новости-то наши с шестимесячной бородой.

Но настоящая фантастика началась позже, когда, заняв свое место в караване судов, наша база двинулась на север. Слева проплывали зеленые оазисы, справа бурел выжженный Синай. Мы шли медленно, словно по узкой реке, и было видно, как берег то оголялся от воды, которую тащили за собой корабли, то снова покрывался ею. Волнишки перехлестывались, дробились, в беспорядке набегали на песок. На поворотах водная гладь исчезала, и тогда видны были только вздыбившиеся над пустыней, над пальмами огромные посудины, которые вопреки всем законам физики двигались посуху, как по морю. И зрелище это ошеломляло.

В озере Тимсах под Исмаилией мы встретились и разминулись с караваном, который этим же утром вышел из Порт-Саида. Короткие сумерки быстро сменились непроглядной тьмой, и на носах кораблей вспыхнули мощные прожекторы, которые специально навесили им докеры Порта-Тауфик. Мы плыли сквозь ночь, упираясь белыми лучами в спины друг друга, и это невозможно сравнить ни с чем, виденным раньше или позже.

В 1969 году снова представился случай побывать на канале — в Исмаилии.

В тот раз канал я увидел сквозь проломленную стену военного госпиталя. Это длиннющее, некогда пятиэтажное здание стоит над самой водой, и артиллеристы приспособили его под наблюдательный пункт. Бомбежки и обстрелы разнесли пятый этаж, и его пол стал крышей, а за обломками стен можно было прятаться, чтоб не заметили с того берега.

Для этого в свое время бойкого места было удивительно тихо. Вода в канале — ни морщинки. В ней отражаются ржавые фермы взорванного моста, крутой откос вала Барлев, с колючей проволокой по склону и темной россыпью мин, оголенных ветром.

Только далеко-далеко на Синае пылил грузовичок прямо по целине, не по дороге, видно, чтоб не накрыли артиллеристы.

И вот теперь снова канал — на этот раз Суэц. Последствия минувшей войны не нужно искать. Даже сейчас, год спустя, они повсюду, на каждом шагу. Из 12 тысяч домов города половину нужно снести, так как отремонтировать их невозможно. Те же, что подлежат ремонту, прошиты снарядами, бомбами или исклеваны пулями, осколками. В этом безбрежии развалин, битого кирпича, пустых оконных глазниц странными пришельцами из иного мира кажутся несколько новых, недавно построенных на окраине города зданий. Прежде знакомые улицы ощербатели: вместо домов — пустыри. Кое-где израильские танки. Они замерли там, где настигла их ракета, пущенная из ручного гранатомета египетским солдатом. Год назад эти танки рвались в осажденный город, но не прошли. Они сеяли смерть и сами нашли ее рядом с руинами зданий, разрушенных их же снарядами. А теперь стоят бесславными грудами металла, ткнувшись носом в стену, размотав разорванные гусеницы, заржавелые, с вывороченными взрывами потрохами.

Вода в заливе отступила. Берег ушел далеко от бывшей набережной: сюда свозят битый кирпич, обломки стен, ровняют, трамбуют, везут новые груды. Я ходил по этому бывшему морю, умощенному кирпичом бывших домов. Страшная суша: насыпанная из уничтоженного труда человеческого! Построят ли в будущем здесь дома, разобьют ли парк, проведут ли новую набережную, но уже сейчас этот пыльный, все дальше уходящий в море пустырь стал памятником и обвинением войне.

Наша поездка совпала с праздником — Днем Суэца, который ежегодно отмечает египетский народ. Организаторы поездки торопят: запланировано много мероприятий, нужно успеть всюду.

Сначала военный госпиталь, палаты с ранеными солдатами. Мужчины в возрасте, безусые юнцы, искореженные войной тела. Ампутированные руки, ноги, перевязанные головы, окровавленные бинты. Кровь даже через год после окончания боев.

Братское кладбище погибших во время осады. Здесь открыт памятник — скромный обелиск среди ровных рядов свежих могил. Пестрая толпа, красочные транспаранты, жгучая медь труб, белые с красным мундиры музыкантов, звон, рев, грохот. А рядом у белых надгробий фигуры в черном — матери, жены, дочери тех, кто уже никогда не вернется. Праздник Победы — не только радость, но и скорбь.

Потом памятники у административного корпуса нефтеперегонного завода, на самой территории, на месте какого-то боя. Речи, почетные караулы, торжественные мелодии, ладони, вскинутые к козырьку, ниспадающие покрывала.

Наконец, парад. В Суэце нет больших площадей, и военная техника двинулась колонной по одному по набережной мимо наспех сооруженных трибун, в узком коридоре, оставленном столпившимися по бокам улицы зрителями. Танки, бронетранспортеры, артиллерия, ракеты, пехотинцы, десантники, саперы, аквалангисты, «командос», пожарники, санитары, ополченцы. Несколько часов шли, ехали те, кто год назад воевал в городе, те, кому теперь предстоит его восстанавливать.

Суэц залечивает раны. Восстановлена система водоснабжения, линия электропередач, телефонная сеть, четыре раза в день ходят поезда в Каир. Снова работают многие кинотеатры, кафе. Возвращение к прежнему, мирному ритму — процесс не простой и не скорый: многое придется поднимать из руин, иное строить заново. В этот шумный, пестрый, трудный и богатый впечатлениями День Суэца больше всего запомнилась одна незапланированная, а потому неброская и спокойная встреча на нефтеперегонном заводе.

Экипаж нашего «рафика» — японский корреспондент с сыном, кинорепортер каирского телевидения, фотограф одной египетской газеты и я — решил приотстать от общей кавалькады. Речами и почетными караулами мы были сыты на предстоящее столетие, а мчаться по жарище в пыли, поднятой твоими предшественниками, страсть как не хотелось. Мы свернули чуть в сторону от главной заводской «улицы» и уперлись в три огромных автоцистерны. Они заправляли свои емкости горючим, первым после войны горючим Суэцкого нефтеперегонного завода. Перегонные предприятия всегда удивляют хаосом переплетающихся, свивающихся, сходящихся и расходящихся надземных и наземных трубопроводов. В этот непостижимый уму стальной лабиринт война вписала свою лепту: искорежила, разорвала металл, разрушила цеха, нагромоздила железобетона, сожгла все, что способно гореть, оплавила то, что гореть не может. И вот первая струйка горючего, живой капилляр пробуждающейся жизни. Завод еще мертв, но он оживает.

Оживает и канал, замерший в июне шестьдесят седьмого. Несколько судов, застигнутых в нем «шестидневной войной» и покинутых командами, на долгие годы остались ржаветь в «ничейной» воде. Более шести лет канал не углублялся, не чистился, что крайне необходимо при здешних ветрах, несущих из пустыни песок и пыль в эту рукотворную реку шириною всего 180 метров, реку без течения, которое помогало бы самоочищаться. Октябрь семьдесят третьего добавил сюда металла, бомб, мин, снарядов...

В свое время Суэцким каналом перевозилась каждая пятая — седьмая тонна груза международной торговли. В 1966 году через него прошло 21 520 судов с 240 миллионами тонн различных товаров. Закрытие важного торгового пути нанесло мировой экономике ущерб более чем в 10 миллиардов долларов. И с годами эти убытки должны были возрастать. Последствия ближневосточного конфликта ощутила на себе экономика даже тех стран, которые находились за тысячи километров от этого неспокойного района.

Перемирие и разъединение израильских и египетских войск на Синае стали первой предпосылкой возобновления движения по каналу.

Затем водный путь нужно было обезопасить. За время двух последних войн в канал попало много снарядов, авиабомб, мин, ракет, патронов, которые тогда почему-то не взорвались, но в принципе взорваться могут. Проходу обычных кораблей они практически не угрожают, но не исключено, что «сработают» при дноуглубительных работах, которые проводить необходимо.

Очистить канал от этих взрывоопасных предметов согласились американцы, французы и англичане. Но приступить к очистке было не так-то просто...

В Египте говорят: «Суэцкий залив — это пробка, не открыв которую нельзя напиться из сосуда». В переводе с арабской витиеватости пословица означает: воспользоваться каналом можно, лишь пройдя залив. В октябре 1973 года «пробку в сосуд» вогнали доб-

КОМ КАНАЛЕ

ротно. Либерийский танкер «Сириус», рискнувший было прорваться из Красного моря в Суэц, напоролся на две мины, которые тут же рванули ему бока и быстренько отправили на дно. Эта трагическая история даже у самых отчаянных и легкомысленных сразу отбила охоту испытывать судьбу.

Выход из заколдованного круга нашли советские военные моряки: по просьбе АРЕ они брались разминировать Суэцкий залив.

В прошлом году в египетском порту Хургаде ошвартовался отряд наших военных кораблей, пришедших из Владивостока и Севастополя. Тихоокеанцы проделали путь в 15 тысяч километров, черноморцам пришлось идти еще больше — 22 тысячи километров. Но тяготы долгого перехода по штормовому морю не могли сравниться с трудностями, которые ждали советских моряков в заливе.

Думаю, нисколько не умалю заслуг тех, кто работал в канале, если скажу, что тралить мины в заливе было во много раз опаснее и сложнее. Минных тральщиков часто называют морскими саперами. А саперы, как говорится, ошибаются только один раз. Учитывая специфические условия Суэцкого залива, известную пословицу можно даже подкорректировать в том смысле, что тут легко было взлететь к небесам, даже не совершая ошибок.

Не случайно невзорвавшимися снарядами и бомбами — залив был начинен морскими минами, специально сконструированными и подготовленными для уничтожения проходящих над ними судов. Их установили, чтобы прикрыть побережье от возможного морского десанта противника. Ставили в спешке, не особенно точно отмечая координаты, не особенно четко фиксируя кратность прохождения над миной кораблей, после чего она устанавливалась на боевой взвод и могла сработать. Ветры и течения заставляли их дрейфовать с исходных позиций. Как выяснилось позже, карты залива были неточными, на них неверно указывалась глубина, коралловые рифы, впадины. Короче, вместо достоверных планов минных полей наши моряки получили ребус, в котором ясным было только одно: смертельная опасность поджидает на каждом шагу.

Сказано не для красного словца. Во время разминирования пострадал от взрыва тральщик капитана третьего ранга В. Свиридова. Не на учениях — в боевой обстановке пришлось ликвидировать повреждения, заделывать пробоины, бороться за живучесть корабля. Собственной жизнью рисковали наши ребята, чтобы вернуть мир в этот далекий от их Родины уголок земли.

Этот израильский танк шел в Суэц в октябре 1973 года...

Из всех морских работ траление мин, пожалуй, самое занудливое и монотонное дело. Оно требует абсолютной точности. Тральщики, словно морские пахари, должны многократно «распахать» море без огрехов, не оставив между «бороздами» ни метра пространства, не покрытого тралом, так как может случиться, что именно в этом метре затаилась смерть. А заливчик оказался капризным не по росту. Зажатый между двумя раскаленными пустынями, он постоянно гнал волну, на которой трудно держать точный курс. Иногда ветер взыгрывал до штормового, и работу приходилось вовсе прекращать.

Четыре долгих месяца «пахал» и «перепахивал» наш отряд коварное поле площадью более сорока тысяч квадратных километров, пока в Москву не пришло донесение капитана первого ранга А. Аполлонова:

«Задание Родины выполнено — путь к Суэцкому каналу полностью разминирован».

Отряд советских тральщиков мог возвращаться домой. Позади остались опасности, сорокаградусная жара, вахты по 12—14 часов в сутки, недостаток пресной воды, за которой приходилось ходить в Аден. Позади остался залив, свободный от мин. Теперь можно восстанавливать канал.

Разминирование Суэцкого залива — лишь один из примеров бескорыстной помощи Советского Союза Египту. И перечислять их можно долго. Во время поездок по АРЕ мне приходилось встречаться и говорить с людьми, встречи и разговоры с которыми не предусматривались планом командировки, а потому иногда казались не обязательными, случайными, даже малоинтересными. Только теперь, соединив их по крупинке в одно целое, я понял, что они могли бы дать отличный материал, догадайся я тогда записать имена, фамилии, названия заводов, фабрик, местечек, откуда приехали эти мои случайные собеседники или куда отправлялись.

В одной гостинице со мной жил Егор Васильевич, специалист по автотранспортным перевозкам из Гомеля. Мы встречались с ним за завтраком и ужином. Утром говорили о погоде на день (все ждали обещанного похолодания), вечером, измочаленные жарой, — о дневных своих делах. Егор Васильевич приехал по линии ООН оказать содействие в организации автобусного сообщения в районе Дельты. Проблема транспорта в АРЕ сейчас стоит очень остро, и опыт советского специалиста, несомненно, пригодится. Каждый вечер я выслушивал подробный рассказ о том, что и как нужно сделать, чтобы разгрузить наиболее людные маршруты, какие автобусы выгоднее выпускать на линии, в каких странах эти машины закупить. За две недели я стал «спецом» в этом деле. И никак не могу простить себе, что не взял адрес, не записал фамилию.

Как-то днем к нашей гостинице подкатило несколько такси. Вновь прибывшие, с шумом выгрузив чемоданы и ящики с какими-то приборами, тут же умчались на пирамиды. А вечером, сдвинув на балконе столы, мы устроили прощальный ужин: прилетевшие днем из Москвы советские гидрогеологи этой ночью улетали в Харгу, оазис, расположенный в Ливийской пустыне. И опять разговор незаметно перешел в научно-популярную лекцию. Грунтовые воды в Харгу, оказывается, приходят из озера Чад. Чтобы проделать этот путь, подземной реке требуется восемьсот лет. Нужно определить ее мощность, запасы воды, оптимальный ее расход на нужды сельского хозяйства и промышленности, развивающихся в этом новом районе страны.

Гидрогеологи — веселый народ — все уговаривали меня лететь с ними, соблазняли:

— Харга — самый жаркий район Египта. Побываете в этом пекле, после ничего уже страшно не будет.

Их переводчик заспорил:

— Жарче всего в Асуане: я работал, когда наши специалисты помогали арабам налаживать рыбный промысел в водохранилище Насер.

— Это тебе после Волги показалось жарко, Харга — вот это пекло!

Переводчик был родом из Горького и работать в Египет приехал во второй раз. Он хотел было передать со мной письма матери и жене, мол, все в порядке, долетели благополучно, но мы засиделись, и моим новым знакомым нужно было торопиться в аэропорт.

Я возвращался из Луксора в Каир ночью. До рейсового самолета из Асуана, на котором я должен был лететь в столицу, оставалось больше часа, и я скучал, коротая время вместе с малочисленными своими попутчиками. Был среди них капитан египетских ВВС, живой парень лет двадцати двух — двадцати трех. Несмотря на молодость, на его груди уже красовались две планки с наградными колодками и новенький орден.

— Вы тоже в Каир?

— Да, — ответил капитан. — Лечу жениться. Дали отпуск на семь дней. В октябре семьдесят третьего отличился — отсюда и орден.

И мы попрощались, случайные спутники по ночному полету.

Фото ТАСС и из журнала «Тайм»

1

Таких высоких темпов роста безработицы в США не наблюдалось уже несколько десятилетий. Число «лишних» людей за декабрь минувшего года возросло на 560 тысяч человек и составило 6,5 миллиона (7,1 процента всей рабочей силы). Подобная армия безработных в Соединенных Штатах существовала только в тридцатых годах, в период мирового экономического кризиса.

Безработица в настоящее время затронула все категории рабочей силы: одиночек и глав семей, рабочих и служащих, многие отрасли промышленности и услуг. Так, среди строителей она составляет 15 процентов, среди подростков — 18,3 процента, среди негров — 12,8 процента. Все более неотвратимо безработица надвигается и на служащих, на так называемые «белые воротнички», 4,1 процента которых в декабре обивали пороги контор по найму или стояли в очередях за пособием по безработице. По признанию министра финансов США У. Саймона, к середине 1975 года уровень безработицы в стране может достигнуть 8 процентов. Это означает, что без работы окажутся 7,5 миллиона человек.

На снимке: безработные города Маунт-Клеменса, штат Мичиган, стоят в очереди за пособием, которого при нынешних темпах роста цен, достигших в 1974 году 12 процентов, совершенно недостаточно даже для того, чтобы свести концы с концами.

2

Массовые и длительные забастовки будут проведены японскими трудящимися в защиту своих прав в ходе весенней борьбы 1975 года. Если предприниматели не пойдут на удовлетворение требований профсоюзов, в середине апреля будет объявлена всеобщая бессрочная стачка. Решение об этом было принято на состоявшемся в Токио расширенном заседании Комитета совместной весенней борьбы японских трудящихся, в который входят профсоюзные объединения страны, насчитывающие в своих рядах 8,5 миллиона человек. Сейчас по всей Японии низовые профсоюзные организации проводят митинги и собрания в поддержку курса, выработанного Комитетом совместной борьбы. Объектив запечатлел один из таких митингов. Его участники — служащие государственных учреждений.

3

С Ближнего Востока вновь поступают тревожные сообщения. Израильская военщина не унимается... Из Тель-Авива несутся угрозы в адрес Сирии и других арабских стран. На границе между Ливаном и Израилем усиливается напряженность, вызванная непрекращающимися израильскими провокациями. Израильские войска, находящиеся близ ливанской границы и линии прекращения огня с Сирией, приведены в состояние повышенной боевой готовности. Подразделения армии Израиля продолжают совершать военные налеты на территорию Ливана, убивать мирных жителей деревень, угонять крестьян, разрушать их дома. На снимке: эти ливанские крестьяне лишились крова. Их дом разрушен израильской артиллерией.

4

Экономический спад, переживаемый США, привел к резкому сокращению деловой активности. В результате разоряются тысячи владельцев мелких магазинов и лавок, не выдерживающих конкуренции со стороны крупных торговых предприятий. В их числе и эта женщина, хозяйка бакалейного магазина. В написанном ею обращении к покупателям говорится о том, что она разорилась и вынуждена закрыть свой магазин.

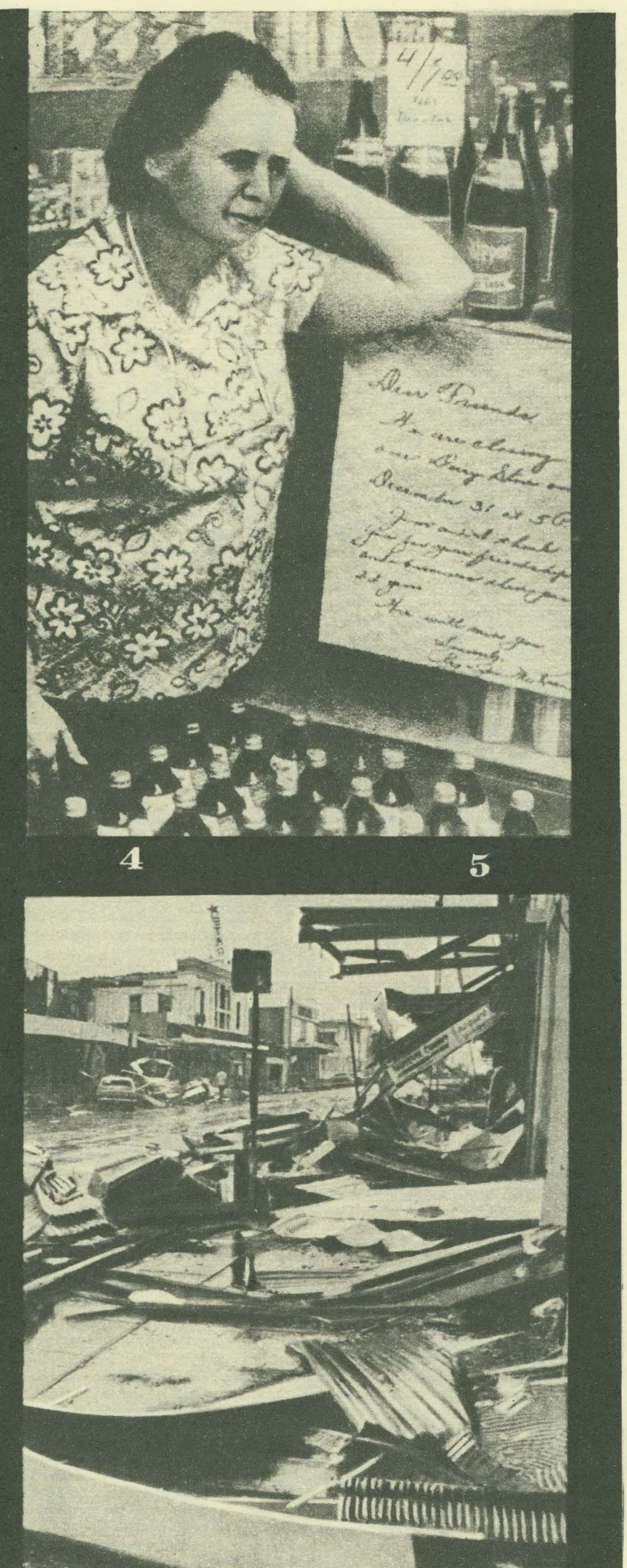
5

Улицы Дарвина превращены в горы щебня и обломков. «Город опустошен, впечатление такое, будто он подвергся бомбардировке»,— говорят те, кто побывал в этом австралийском городе, почти полностью разрушенном ураганом «Трейси». Ураганный ветер, достигавший скорости 260 километров в час, по свидетельству очевидцев, срывал крыши с домов, как мячики перебрасывал по улицам тяжелые туристские автофургоны, в которых погибло и покалечилось немало людей. Тысячи жителей пострадали от носившихся в воздухе кусков черепицы, кровельного железа и стекла. Вырванные с корнем деревья перекатывались по улицам. Ураган уничтожил даже расположенную в Дарвине военно-морскую базу. Несколько патрульных судов затонуло. Город объявлен районом чрезвычайного бедствия. Пострадавшим оказывается помощь. В Дарвин доставляются продовольствие, медикаменты, палатки. Ведутся работы по очистке развалин.

1

2

3



ВЕЛИКАЯ ТРАССА

БАМ — стройка века

Байкало-Амурская магистраль. БАМ. Это короткое слово, ставшее паролем нашей молодежи, обозначившее эстафету девятой пятилетки, сегодня на устах у многих. Но не для всех звучит оно одинаково. У тех, кто постарше, слово это вызывает к жизни воспоминания о строительстве Турксиба или Комсомольска-на-Амуре, у сотен и тысяч юношей и девушек будит желание поскорее обрести специальность и ехать на стройку БАМа.

Издательство «Современник» оперативно, в течение двух месяцев, подготовило и выпустило в свет в серии «Наш день» книжку о БАМе. «БАМ — стройка века» — сборник удивительно цельный и современный, разнообразный по содержанию и вместительный. Это, можно сказать, и руководство для бамовцев, ориентир для будущих строителей, и дневник зарождения стройки, и технический отчет, и художественная летопись... Письма молодых строителей, строки из социалистических обязательств, очерки и репортажи специальных корреспондентов, стихи, песни, статьи ученых, многочисленные фотодокументы — все это выливается в одну впечатляющую картину поистине всенародной стройки, какою стало сооружение Байкало-Амурской магистрали.

«Эта стройка имеет огромное значение. Байкало-Амурская магистраль прорежет вековую тайгу, пройдет там, где лежат огромные богатства, которые надо поставить на службу Родине. Здесь будет создан новый большой промышленный район страны, воздвигнуты новые города и поселки».

Открывающаяся этими словами Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, прозвучавшими на XVII съезде ВЛКСМ, книга ведет нас к истокам. Мы узнаем в разделе «Поиски стального пути», что идея соединения железной дорогой северной оконечности Байкала с Амуром зрела давно, но только после окончания гражданской войны начались изыскания на будущей трассе; что уже в 1943 году, в разгар Великой Отечественной войны, страна приступила к строительству самой восточной части БАМа (от Комсомольска-на-Амуре до Советской Гавани); что после внесения корректив в первоначальный план трассы осенью 1972 года было начато сооружение Байкало-Амурской; что предстоит возвести двести мостов и других искусственных сооружений, прорубить свыше двух тысяч гектаров просек...

Эта историко-техническая часть очень важна в книге, она подготавливает читателей, среди которых, думается, есть и сегодняшние и будущие строители магистрали, к знакомству с тайгой и небывалой стройкой. А вслед за этим необходимым вступлением следует основной аккорд — мощный сплав документальных репортажей и поэзии. В очерках и корреспонденциях мы видим, как начиналась стройка, как ставили первые палатки, как забивали первый костыль, как было трудно. Мы видим сегодняшние напряженные будни бамовцев, до нас еще не остывшими доходят их споры, их заботы. И так естественно присутствие на страницах сборника строк Александра Твардовского из поэмы «За далью — даль», и «Песни о брезентовой палатке» Бориса Ручьева, и стихотворения Я. Смелякова «Даешь»,— поэзия созидания, вдохновенного труда, воспевшая строителей прошлых десятилетий, она идет в будущее вместе со строителями годов 70-х.

Десятки фамилий — русских, эстонских, казахских, осетинских, армянских, украинских... Портреты представителей чуть ли не всех национальностей СССР... Палатки с надписями «Армения», «Лиетува». Эпизоды напряженного труда первопроходцев — и конкурсы самодеятельности, первые свадьбы, закладка домов культуры. Гигантский поток заявлений от желающих поехать на сооружение магистрали — и ощутимая нужда в первую очередь в строительных специальностях, тщательный отбор кадров. Все это тоже из хроники БАМа, которую ведут сами строители и профессиональные журналисты.

«Очень нужна хорошая, талантливая книга про БАМ,— пишет один из корреспондентов.— Большая стройка и большая литература движутся по одной магистрали. Так всегда было и так будет!» Мы тоже верим, что романы и повести о БАМе — уже на пути к читателю. А сегодня именно книжки, подобные сборнику, выпущенному «Современником», оперативные и разносторонние, играют роль «первопроходцев» в теме великих строек нашего времени.

Ю. НОВИКОВ

«БАМ — стройка века». М., «Современник», 1974, 271 стр.

ПОИСКИ ПРАВДЫ

Елена МАРЧЕНКО,
кандидат искусствоведения

До недавнего времени выставка «Немецкие реалисты XIX века» из музеев ФРГ, показанная в ноябре прошлого года в залах Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, была бы невозможна. И не только потому, что установление постоянно расширяющихся культурных связей с Федеративной Республикой Германии способствовало ее организации: сама проблема реализма XIX века почти не привлекала к себе внимания за рубежом.

И лишь в последнее десятилетие, когда особенно явно обнаружился кризис модернистских течений современной буржуазной культуры, проблема реализма — и именно реализма XIX столетия — снова заинтересовала многих зарубежных исследователей и художников.

Достопримечательностью выставки стала картина «Силезские ткачи», созданная в 1844 году дюссельдорфским художником Карлом Вильгельмом Хюбнером. Кстати, на страницах «Огонька» в 1952 году была опубликована первая в нашей стране статья о творчестве этого живописца. Произведение «Силезские ткачи» рождалось в буре идейных битв, предшествовавших буржуазной революции 1848 года. В канун революции в Дюссельдорфе существовал союз художников «Малькастен» («Этюдник»), многие из членов которого участвовали в сатирическом литературно-художественном ежемесячнике «Дюссельдорфер монатсхефте», а в дни революции сражались в гражданском ополчении.

Появление картин, касавшихся пусть даже очень робко, революционной современности, сопровождалось бурными дискуссиями, вызывало энтузиазм. Во всех видах искусства — будь то публицистика, поэзия, сатирические памфлеты или стремительно и бурно расцветшая журнальная сатирическая графика — современники жадно искали политическое содержание, ответы на социальные вопросы времени. Это было время рождения научной теории коммунизма, пора, когда от искусства ждали агитационного воздействия и художественные произведения ценились прежде всего по силе, направленности этого воздействия. Это отметил Ф. Энгельс, высоко оценив картину Хюбнера. Вчитаемся в строки, которые он посвятил ей в 1844 году в своей статье «Быстрые успехи коммунизма в Германии».

«Позвольте мне... упомянуть о картине одного из лучших немецких художников, Хюбнера, которая сделала гораздо больше для социалистической агитации, чем это могла бы сделать сотня памфлетов. Картина изображает группу силезских ткачей, принесших холст фабриканту, и с необычайной силой показывает контраст жестокосердного богатства, с одной стороны, и безысходной нищеты — с другой. Упитанный фабрикант, с медно-красным, бесчувственным лицом, пренебрежительно отшвыривает кусок холста; женщина, которой принадлежит этот холст, видя, что нет никакой надежды продать его, лишается чувств и падает; ее обнимают двое маленьких детей, в то время как стоящий рядом старик с трудом ее поддерживает. Приказчик рассматривает другой кусок холста, владельцы которого с мучительным напряжением ждут результата осмотра; молодой человек показывает подавленной отчаянием матери жалкий заработок, который он получил за свой труд; на каменной скамье сидят в ожидании своей очереди старик, девушка и мальчик, а двое мужчин, взвалив на спину куски забракованного холста, выходят из комнаты; один из них потрясает в бешенстве кулаком, между тем как другой, положив руку на плечо своему товарищу, указывает на небо, как бы говоря: будь покоен, есть еще судья, который покарает его. Вся эта сцена разыгрывается в холодной, нежилого вида прихожей с каменным полом; только фабрикант стоит на коврике. Между тем в глубине картины, позади прилавка, открывается вид на богато обставленную контору, с роскошными шторами и зеркалами, где несколько приказчиков пишут, не обращая внимания на то, что происходит за их спиной, а сын хозяина, молодой франт, стоит, опершись о прилавок, с хлыстом в руке, покуривая сигару и равнодушно взирая на несчастных ткачей. Эта картина выставлена была в нескольких городах Германии и, конечно, подготовила много умов к восприятию социальных идей».

В 40-х годах прошлого века в Германии появились многочисленные полотна, рисунки, стихотворения, в которых богачи и их праздная, безнравственная и расточительная жизнь изображались с негодующим пафосом обличения, а бедняки — нищие, инвалиды, сироты, крестьяне, часто вынужденные в поисках хлеба покидать родину,— с большим состраданием. Но именно Хюбнер впервые в произведении искусства так конкретно и определенно затронул коренную проблему социальной жизни, показав конфликт фабриканта и рабочих. Тема силезских ткачей прошла через все искусство Германии XIX века. В год появления картины, под впечатлением восстания ткачей в Силезии, возникает одноименное стихотворение Генриха Гейне, ставшее своего рода марсельезой пролетариата Германии. В 1892 году Герхарт Гауптман пишет драму «Ткачи», в те же годы в немецкое искусство входит, создав вдохновенную графическую серию «Восстание ткачей», замечательная художница немецкого пролетариата Кэте Кольвиц.

Есть особый смысл и в том, что своего рода заглавной вещью выставки — ее можно было увидеть и на афишах и на обложке каталога, а в экспозиции ей принадлежало центральное место — стала картина венского живописца Ф. Г. Вальдмюллера «У окна», созданная в 1840 году. К этому времени Фердинанд Георг Вальдмюллер стал, и не только для Вены, своего рода знаменем тех новаторских требований к искусству, которые властно диктовались предреволюционной обстановкой. Он открыл школу мастерства, противопоставив свою методику обучения академическим принципам. В определенном смысле картина «У окна» была действительно программной, хотя и не исчерпывала всех тех новых веяний, которые принесла надвигавшаяся революция. В своих теоретических трудах художник провозгласил: «...для художественного произведения, для любого его кусочка характерной должна быть правда...» Уже само неожиданное решение композиции картины, решение пространства в ней, смело порывает с традиционными схемами. Прямо на зрителя распахнуто окно, оно занимает весь холст, рама окна воспринимается второй рамой картины, в его узком пространстве возникают молодая мать-крестьянка и трое ее ребятишек, весело выглядывающих наружу. Открытое окно — излюбленный мотив романтиков. Но в их картинах оно — прорыв в безбрежную даль, зовущую человека, уводящую его от будничной повседневности.

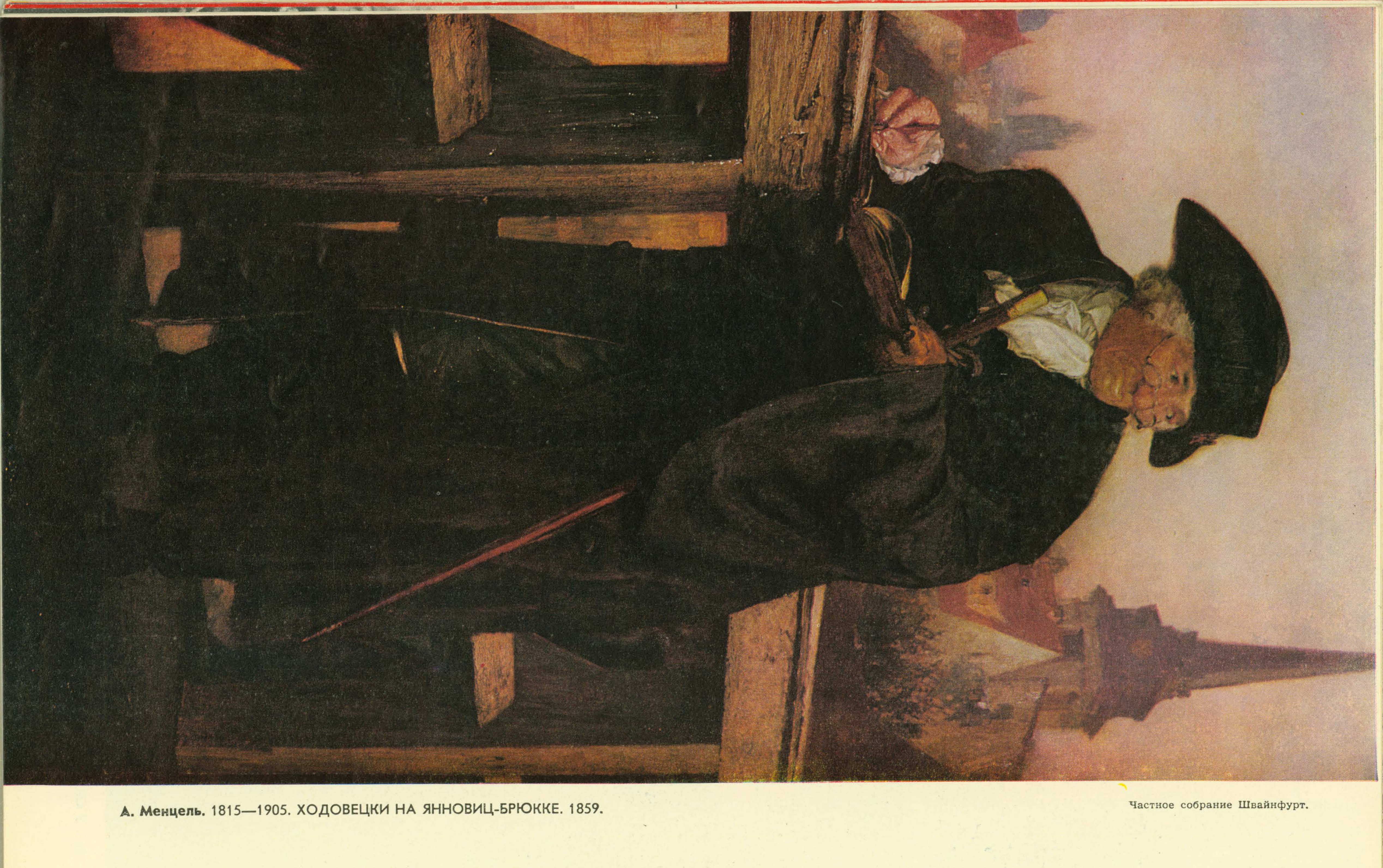
У Вальдмюллера этот мотив обретает совсем иной смысл. Открытое окно распахнуто к зрителям, к ним обращены те, кто стоит перед окном, в их жизнь живо, заинтересованно, непринужденно вглядываются герои картины. Объемность тел, блеск кожи, волос, глаз, ощущение материала — дерева, жестяных скоб — во всем этом есть стремление воссоздать на полотне реальность мира. И это тоже программно, ибо прийти к высотам реализма Вальдмюллер полагал именно путем создания жизнеподобия.

Зарождение новой живописной системы, первые поиски пленеризма также ощутимы в искусстве предреволюционной Германии. И прежде всего они присутствуют в этюдах, написанных непосредственно с натуры. В наши дни исследователи творчества мастеров XIX века нашли и опубликовали такое множество совершенных в художественном отношении этюдов, столь отличных от законченных полотен, что возникла своего рода теория о «двойственности» творчества мастеров прошлого века, то есть о разделении их искусства на «интимную» и «официальную» области. В маленьких шедеврах-этюдах поэтично звучат простые мотивы, а свежая, прозрачная живопись волнует новой правдой постижения реальности, позволяя говорить о новаторских поисках немецких художников. В эти же годы пишет свои замечательные пленерные этюды Александр Иванов, складывается кружок французских художников-барбизонцев. И мы видим, что работы немецких художников естественно вливаются в общее русло развития реалистической живописи XIX столетия.

В творчестве Адольфа Менцеля, наиболее прославленного мастера немецкого реализма прошлого столетия, отразились все достижения современной ему отечественной живописи. Особенно плодотворной стала для молодого художника встреча с живописными открытиями Констебля, английского мастера пейзажа, и с французской реалистической живописью. Картина «Ходовецки на Янновиц-брюкке» («Ходовецки на Янновицком мосту»), которая воспроизведена на цветной вкладке, не принадлежит к наиболее известным произведениям Менцеля. Ее появление на выставке среди многочисленных этюдов, эскизов, рисунков, живописных шедевров художника, таких, как «Крестьянский театр в Тироле», позволяет вести разговор о сложной противоречивости творчества мастера, столь глубоко отразившего в своем искусстве тенденции развития реализма в XIX веке.

Ф. Вальдмюллер. 1793—1865. У ОКНА. 1840.

Баварское государственное собрание картин, Мюнхен.



А. Менцель. 1815—1905. ХОДОВЕЦКИ НА ЯННОВИЦ-БРЮККЕ. 1859.

Частное собрание Швайнфурт.

Разговор о «феномене двойственности» Менцеля начался сразу же после смерти художника, когда в 1905 году на посмертной выставке были показаны его многочисленные работы, при жизни никогда не выставлявшиеся. Основная часть этих произведений теперь широко известна и принадлежит к лучшим памятникам немецкой реалистической живописи девятнадцатого столетия. Это небольшие по размеру полотна, большей частью написанные по непосредственным впечатлениям и как бы рожденные той духовной атмосферой «весны», о которой писал Гейне, приветствуя наступление революционных лет в Германии. Обращался ли Менцель к традиционному мотиву интерьера, писал ли улицы Берлина и его пригороды, запечатлевал ли природу, которая в его холстах обычно неразрывна с созидательным трудом человека — будь то изображение первой железной дороги Берлин — Потсдам или строительной площадки,— все в этих картинах дышало счастливым ощущением силы, было полно света, движения. Его живописный язык, емкий, метафорический, напоен молодой энергией. Широкий мазок кисти, выразительность цвета в контрастах светлых, розовых и темно-коричневых тонов, голубоватые, холодные тени — все это порывало с гладкой раскрашенностью живописных полотен начала прошлого века.

Картина «Ходовецки на Янновиц-брюкке» написана в 1859 году, после тяжело пережитого Менцелем поражения революции, и воспринимается как автобиографический документ. В те годы самого себя он мог изобразить так же, как Даниела Николауса Ходовецкого, одного из своих духовных учителей и предшественников. Пристроившись у перил моста с альбомчиком для рисования, среди городской сутолоки, по-стариковски поверх очков, со скрытой умной усмешкой вглядывается художник в окружающее, словно подмечая те нравственные слабости, суетность, тщеславие своих современников, которые он запечатлел в отточенных гравюрах. Написанный Менцелем портрет Ходовецкого отличает уверенная рука мастера-реалиста, неизменно честного в своих наблюдениях.

Менцель дожил до глубокой старости, поражая окружающих способностью самозабвенно, неустанно рисовать, писать. Эта страсть художника породила множество анекдотов о нем: и об особом его пальто с карманами, приспособленными для многочисленных рисовальных принадлежностей, и о чудачествах целиком погруженного в работу человека, умеющего рисовать обеими руками.

Духовным наследником этого замкнутого, молчаливого берлинца стал Макс Либерман. «Уборка картофеля» — полотно, характерное для этого художника. Оно написано в 1875 году во Франции, когда он несколько лет жил и работал в Барбизоне. Если Менцель самоучкой, борясь с нуждой, в тяжелых условиях поденщины гравера, работающего над случайными заказами, пробивался к вершинам мастерства, то Либерману — выходцу из богатой семьи фабриканта — с юношеских лет легко открылся мир искусства. Он учился в Берлине, Веймаре, Дюссельдорфе; совершал поездки в Голландию, Бельгию, Францию, знакомился с коллекциями лучших европейских музеев. Из этих странствий молодой художник вынес на всю жизнь глубокое убеждение в том, что национальная ограниченность всегда угрожает чистоте и величию искусства. Именно поэтому, считал он, миссия прозорливых людей — всеми силами защищать искусство от подобной опасности. Когда затем Либерман стал президентом Берлинской Академии искусств, «гением здешних мест», как назвал его Томас Манн, широта взглядов художника осталась неизменной. В годы нацизма его постигла участь многих прогрессивных деятелей немецкого искусства: запрет работать, выставляться, вынужденный уход с поста почетного президента столичной Академии. В 1935 году, на 88-м году жизни, замечательный мастер скончался; проводить его в последний путь пришли лишь трое из берлинских художников — Кэте Кольвиц, Ханс Пурманн и Карл Ф. Кардорф.

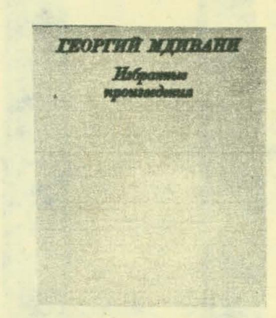
Уже первый взгляд на полотно Либермана, представленное на вкладке, дает почувствовать, насколько иным стал язык реализма в 70-е годы. Дело не только в живописности, в красоте и выразительности колорита, которые отличают его произведения. Герои этой эпически-величественной картины — крестьяне, занятые нелегким трудом. Шеренга людей на фоне неба и зеленеющих полей вызывает не одно только чувство сострадания к обездоленным, униженным беднякам, но и гордость, уважение к силе и красоте человека.

Жизненный путь другого мастера — Ханса Тома был спокойным и долгим. Как и для многих немецких художников того поколения, большим событием в творческом развитии Тома стала встреча с французским искусством: реализмом Курбе, а позднее — с импрессионистами. Художник не прошел мимо их открытий, и вместе с тем в его творчестве чувствуется глубокое восприятие национальных традиций немецкого искусства, интерес к Дюреру, Кранаху — мастерам немецкого Возрождения. Духовную цельность человека Тома искал в слиянии личности с миром природы, труда, музыки. Одна из его любимых тем — дети и природа: то это хоровод деревенских ребятишек, то веселая, солнечная сценка «Пение среди зелени».

Выставка произведений реалистов XIX века была организована в ответ на показ в ФРГ — в Баден-Бадене и Дортмунде зимой 1972—73 годов творчества передвижников из русских музеев. Как отмечала тогда немецкая пресса, советская выставка не только впервые открыла немецкому зрителю большое и своеобразное искусство русского демократического реализма, но и заставила задуматься над тем, как много точек соприкосновения в процессе развития реализма обеих стран. В статье к каталогу нынешней, московской выставки доктор Клаус Гальвиц, один из ее организаторов, директор Баден-Баденской картинной галереи, пишет, что сравнительное изучение реалистического искусства обеих стран периода 1870—1880 годов обещает открыть много общих закономерностей, общих художественных проблем.

Будем надеяться, что дальнейшее развитие культурного сотрудничества между нашими странами, укрепление связей между музеями и научными институтами приведет к углубленному исследованию взаимосвязей и взаимовлияния наших культур.

МОЛОДОСТЬ ДУХА



Нет для драматурга большего счастья, чем увидеть свое детище — пьесу ли, киносценарий — облеченным в живую плоть спектакля или фильма. Ведь для этого, собственно, он и работает. Но... Идут годы, пишутся новые пьесы, новые киносценарии. А старые, прожив свою положенную сценическую и экранную жизнь, постепенно сходят. Творчество прозаиков и поэтов сохраняют книги, к которым можно обратиться вновь и вновь. У драматургов далеко не всегда так, хотя драма столь же полноправный род литературы, как эпос и лирика.

Наши издательства все чаще выпускают сборники пьес и киносценариев. И это не просто признание и поощрение заслуг того или иного драматурга. Читатель получает в таких сборниках литературу не только своеобразную по форме, по жанрам, но представляющую особенный интерес своей напряженной действенностью, острой конфликтностью, столкновениями человеческих страстей и характеров.

В этом плане очень красноречив и показателен только что вышедший двухтомник избранных произведений Георгия Мдивани. Десять киносценариев, составивших первый том, и десять пьес, образовавших том второй — это, разумеется, лишь часть того, что создано за полвека одним из старейших советских драматургов, — но часть, позволяющая говорить о театре и кино Георгия Мдивани как о явлении цельном, незаурядном, значительном.

Когда читаешь включенные в «Избранное» пьесы и киносценарии, их главные герои встают перед тобой прежде всего в той самобытной и неповторимой человеческой конкретности, какую придали им артисты, воплотившие эти образы в спектаклях и кинофильмах. Вот они, как живые, проходят перед глазами. Мудрый, несгибаемый чекист Михаил Ермаков, сыгранный В. Хохряковым в спектакле Малого театра «Твой дядя Миша»... Прекрасная в своем нравственном максимализме старая коммунистка Евгения Сурогина из «Большой мамы» в исполнении О. Викландт на сцене Московского драматического театра имени А. С. Пушкина... Принимающий трудное, но единственно верное решение председатель колхоза Василий Агафонов С. Лукьянова в спектакле Театра имени Евг. Вахтангова «Новые времена»... Героический советский воин-освободитель Иван Захаров, воплощенный Н. Крючковым в фильме «Далеко на Западе»... Политически наивный, но беззаветно преданный Родине и потому духовно прозревающий пламенный рыцарь искусства, хранитель Эрмитажа Дмитрий Оленский, созданный И. Лапиковым в фильме «Посланники вечности»... А разве забудешь обаятельного, душевного весельчака, гармониста и песенника, «первого парня на деревне», которого играет Л. Харитонов в фильмах «Солдат Иван Бровкин» и «Иван Бровкин на целине»...

Но в то же время эти и другие герои Георгия Мдивани, сошедшиеся ныне на страницах его двухтомника, могут все вместе сложиться в обобщенный, типический портрет нашего современника, прошедшего со своей родной Советской Отчизной большой и славный путь. В творчестве Георгия Мдивани судьба человеческая неотделима от судьбы народной,— в героях отражается Время в его основных исторических, социальных, нравственных коллизиях.

Драматург всегда четко слышит поступь эпохи, всегда стремится ответить своими произведениями насущнейшим запросам современности. Страстная коммунистическая идейность, открытая партийная тенденциозность, кипучий, взрывной публицистический темперамент — вот его оружие.

Боевитость — пожалуй, определяющая черта творчества Георгия Мдивани. Потому столь ярко и действенно звучит тема защиты Советской Родины, скажем, в таких его пьесах, как «Честь», «Батальон идет на Запад», «Небо Москвы», в киносценарии «Рядовой Александр Матросов». Потому столь горяч и призывен интернациональный, антифашистский пафос его пьес «Алькасар», «Люди доброй воли», «День рождения Терезы», «Украли консула», его киносценариев «В горах Югославии», «Большая дорога», «Далеко на Западе»...

Многие из этих произведений можно перечитать в двухтомнике. И вот что примечательно. Они все, даже те, что написаны много лет назад, по горячим следам событий, происходивших в нашей стране и за рубежом, воспринимаются сегодня, несмотря на историческую дистанцию, удивительно современно. Почему? Да потому, что и сегодня не утихает борьба двух идеологий, двух миров — нового и старого, и не покидают ее переднего края писатель-коммунист и его герои.

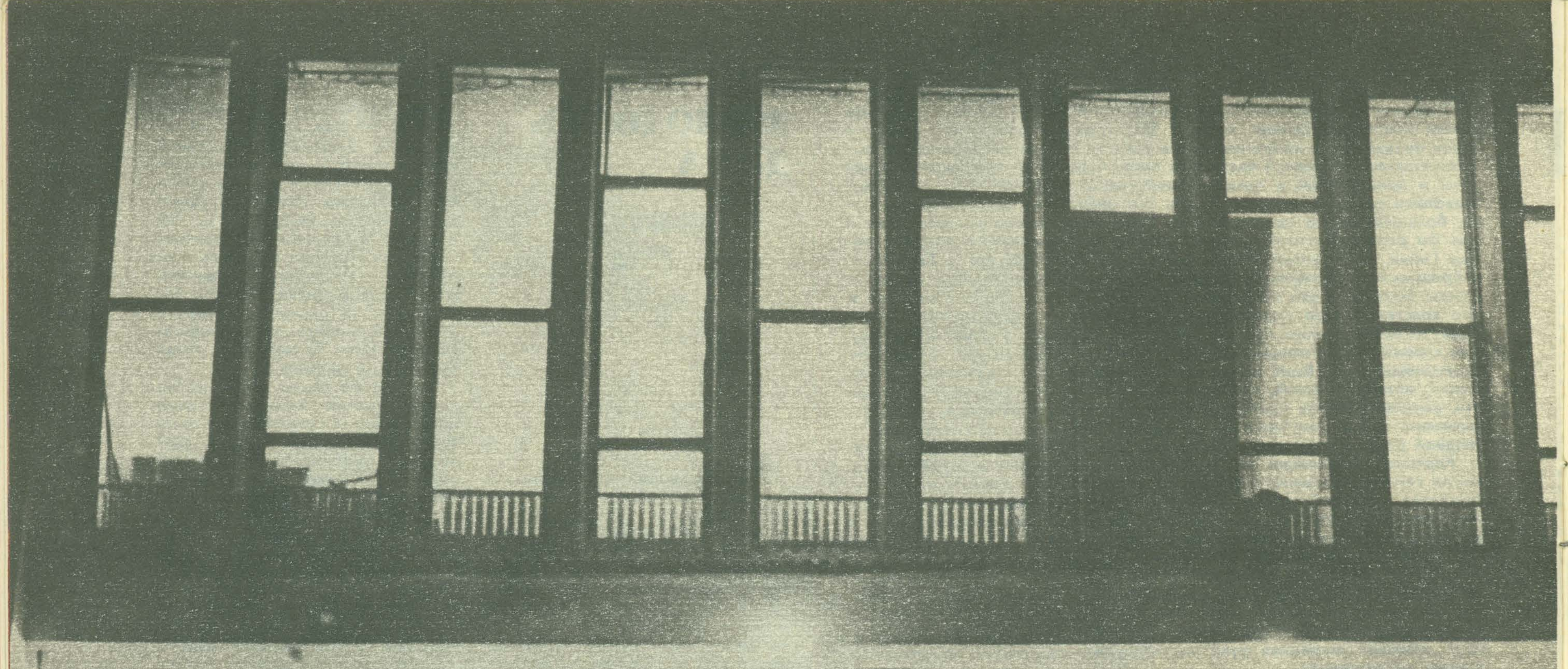
Автор обстоятельной вступительной статьи к двухтомнику Юр. Зубков очень точно отмечает, что «большинство произведений Мдивани являют собой пример художественного раскрытия и осмысления того, как наша эпоха с ее величайшими социальными потрясениями и катаклизмами проходит сквозь человеческое сердце, определяет характер и судьбу героя».

Этим и объясняется тот социальный, исторический оптимизм, который даже в самых трудных, порой трагедийных ситуациях присущ положительным героям драматурга, ведет их на бой и на подвиг, вселяет в них могучую, жизнелюбивую и жизнеутверждающую молодость духа.

Молодость духа... Сильная, романтическая, окрыляющая. Она пронизывает собой театр и кино Георгия Мдивани.

Н. ЛЕЙКИН

Георгий Мдивани. Избранные произведения в 2-х томах. М., «Искусство», 1974, I том — 584 стр., II том — 528 стр.



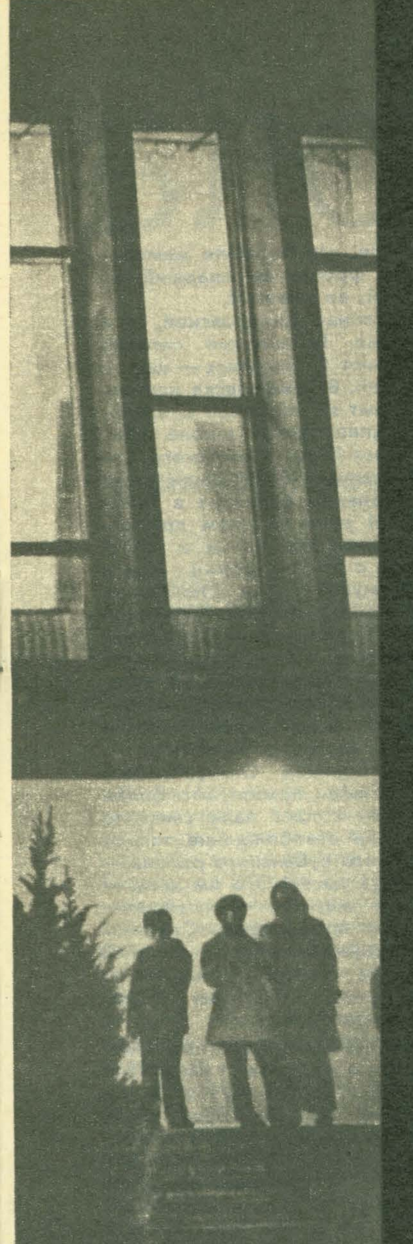
Музей семьи Степановых в городе Тимашевске.

НИКТО НЕ ЗАБЫТ,
НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

СКАЖИ МНЕ,

Братья Степановы — Николай, Василий, Филипп, Федор, Иван, Илья, Павел, Александр-младший. Старший Александр не успел сфотографироваться до своей гибели в 1918 году.

Герой Советского Союза
Степанов А.М. Лазар
Степанов Н.М. Пхайк
Степанов А.М. Соко
Степанов Ф.М. Руде
Степанов В.М. Зад
Степанов Ф.М. Зар
Степанов И.М. Сы
Степанов И.М. Ш
Степанов П.М. К
Подольный Г.А. Т
Тыщенко Я.И.
Рыбалко И.С.
Гулида И.Е.



Николай БЫКОВ

Фото Б. КУЗЬМИНА

Епистимия Федоровна Степанова.

Навеки умолкли веселые хлопцы...

— Бабушка, война кончилась!..

Было у матери девять сыновей. Все полегли в боях за революцию, за свободу и независимость Родины. Один — в гражданскую, второй — в боях на Халхин-Голе. А семь — в числе двадцати миллионов сыновей и дочерей, павших смертью храбрых в

ЗЕМЛЯ...

Великой Отечественной войне 1941—1945 годов.

...Было у Епистимии Федоровны Степановой девять сыновей...

— Бабушка, война кончилась! Правда, бабушка!..

Понабежали хуторские ребятишки, смеются, тянут на улицу: «Победа, победа!»

Поднялась Епистимия Федоровна, а уж хуторские бегут — и все в станицу, в Тимашевку.

— С нами, бабушка! Скорее же... Победа!

Тридцать лет прошло... Голос Епистимии Федоровны, записанный добрыми людьми на магнитофонную пленку, рассказывает все, как было тогда, в 1945 году:

— Ну, я заплакала, та и упала ж там, и кажу: «Скажи, земля, где мои сыночки?» Плакала... Не знаю, чи они меня подняли, чи я сама встала. Они туда пошли, и я пошла в станицу. Я ж думала, мои сыны прийдут до дому. Кончилась война... А уж чужие сыны идуть, а моих нема... И ночью жду и днем жду...

И ночью ждала мама и днем ждала. Семерых ждала в сорок пятом, а вернулся один, неузнанный, старый, покалеченный.

— Коля, сыне, где же братья твои?

— Там остались, мама, все полегли, родная... Война, мама, дуже жестокая была...

Вася писал давно, еще до войны, кажется, в тридцать первом: «А пока до свидания, непромокаемого полка разлюбезный сын Степанов...» А то еще молодой жене: «Я в настоящее время чувствую себя пока хорошо и обладаю пока что хорошими успехами во всех своих учебных целях, одно я имею с недостатков — страшно скучаю за сыном, и за тобой, Верочка, и за мамой нашей...»

Как он молод, и ладен, и красив был, курсант полковой школы Василий Степанов!

Вася попал в окружение, связался с партизанами Днепропетровщины, во взводе разведки был одним из лучших бойцов. Но попал в облаву. Сумел передать родным из фашистского застенка последнее: в том, что сделал, не раскаиваюсь, на допросах товарищей не предавал... Их расстреляли, семьдесят восемь человек, 1 декабря 1943 года.

Мама потом часто доставала треугольничек последнего Васиного письма: «...мама, я хочу вам сообщить о том, что я жив, здоров, за мной не беспокойтесь, видел Филю, случайно встретился, но поздоровались, посидели, наверно, с час, поговорили, он пошел. Вы мне напишите его адрес, а то я с ним говорил, говорил, а адрес забыл спросить у него...»

Филя, Филя... Сохранилась газета «Правда» за 22 апреля 1941 года, там есть фотография, как Филя осматривает посевы пшеницы хутора «1 мая»... Где он? Ничего мама не знала о нем, только вот Вася писал, что встретил Филю случайно, поговорили братья с час, и разошлись их военные дороги...

После победы пришла на хутор «1 мая» в адрес Епистимии Федоровны бумага: «Степанов Филипп Михайлович... умер 10 февраля 1945 года в Германии в лагере № 326 (Форелькруз)».

Помни, мама, детство наше
В далеком хуторе глухом,
Как мы делили горе наше
Над речкой в домике своем...

Так писал ей Ваня с войны, с западной границы. Ах, Иван, Иван, красный командир... Как же так, Ваня, сорваны замки с границы, родная земля в огне, и одно для тебя спасение — в партизанских лесах, в топях непролазных, возле чужой деревеньки Великий Лес...

Я детство наше не забуду,
Его счастливые времена,
И долго, долго помнить буду
Тебя я, мама. Ты у нас одна.

Люблю тебя я, мать родная,
Твои ласковые глаза,
А сколько слез ты, дорогая,
Страданий из-за нас перенесла!

«Мама, ввиду ограниченности времени мое стихотворение это, посвященное тебе, я не смог закончить. Через несколько минут начнется бой. Знай, маманя, что я до последнего дыхания своей жизни буду помнить тебя и всю нашу семью. Я о Вас никогда не забываю, и в дни, когда смотрел смерти в лицо. Может случиться, что мы больше не увидимся в жизни никогда. Ведь страшная здесь идет война, и погибают тысячи людей, а боев впереди еще много и много. Моя последняя надежда: может, это письмо получишь, и этот кусочек бумаги будет напоминать тебе о сыне Иване и его любви к матери и ко всей семье.

Крепко, крепко целую...»

Пулеметчика Ивана Степанова выдал фашистам предатель. Партизана схватили вместе с невестой, но Марию отпустили. А Ивана казнили. Казнили Ивана, мама!

«Много думаю о Вас, живу мысленно с Вами, родная мама, часто вспоминаю...

Ваш сын Илюша».

Илья родился в 1917 году. Он тоже был командиром. Иван, и он, и еще Федор ушли в РККА задолго до войны. Учились кто пулеметному, кто танковому делу. Тогда три брата Степановых уже были женаты и работали в колхозе, а четыре брата служили в Красной Армии. Первым пошел в бой Федор. Федя погиб 20 августа 1939 года, мать так никогда и не умела выговорить «на Халхин-Голе»... Иван прошел все уроки короткой, как сталь ножа, войны с белофиннами. И Илья учился, будто готовил себя к самому страшному — к 1941 году.

Илюша оставался жив-невредим до самого лета 1943 года — до битвы на Курской дуге. Илюша писал часто, помогал материнскому сердцу, обнадеживал: «...как закончим дело с фрицами, тогда и погуляем». «Закончим с похоронами грабьармии Гитлера, тогда будем держать непрерывную связь» (это он сестре писал и маме, конечно). «Я никак не могу смириться, что Вани и Павлушки нет... и я никак не могу смириться, что это навсегда, что мы больше не встретимся». Сначала Илья был ранен. Но на Курской дуге снова повел капитан Степанов танки в огонь...

Илья погиб в бою 14 июля 1943 года. Похоронен в братской могиле на северной окраине деревни Мелихово, что на Орловщине.

А где похоронен Павлуша, никогда теперь уж не узнать. На все запросы матери, брата Николая и сестры Валентины много лет приходит один ответ: «Пропал без вести в 1941 году». На западной границе...

Переломный 1943 год, роковой год для Степановых. К осени того года еще оставался в живых Саша. Младшенький. Как его любили братья! Мать души в нем не чаяла... Сашу назвали Сашей в честь первенца — того самого Саши Степанова, которому не было восемнадцати, когда его убили в соседней станице Родниковской. Убили. То ли «просто» расстреляли комсомольца, то ли закопали живьем в братской могиле люто ненавидевшие коммунаров из Днепровской и вообще всех, кто держал сторону бедняков и большевиков. Тот Саша, убитый в 1918 году, был первой потерей матери. Саша-второй, молоденький ротный, совсем еще юный коммунист, пал смертью героя на правом берегу Днепра в сентябре 1943 года. Тоже сорок третьего, как и Василий, Иван, Илья...

Указом Президиума Верховного Совета СССР Александру Михайловичу Степанову присвоено звание Героя Советского Союза. Посмертно. За овладение семью домиками на окраине села Селище Черкасской области. За отражение контратак противника.

...Рота Степанова форсировала Днепр, закрепилась и долго оборонялась. Долго, до последнего солдата. Тридцать шесть часов ждала подкрепления. Потом кончились патроны. Тишина. Немцы поднялись. Саша, говорят, кричал по рации: «Не сдаюсь... Не сдаюсь...» Когда его хотели взять, он взорвал последнюю гранату. Потом увидели, что рядом с ротным навалом лежали вражеские трупы...

Саше Степанову было двадцать лет. Он считался бывалым офицером. Имел до Днепра два ранения. Получил до Днепра орден Красной Звезды. Вступил в партию. Перед самым Днепром ему доверили роту автоматчиков.

Александр Михайлович оправдал доверие.

Епистимия Федоровна так убивалась, так убивалась... Старшие сыновья были кадровыми командирами, почти все уже имели детей... Но Саша, Саша, младшенький! Как ушел в сорок первом восемнадцатилетним, таким навеки и остался. Для нее, для матери...

Девять сыновей было у Епистимии Федоровны Степановой. Только один вернулся с последней войны.

Никто больше не играл на баяне, на скрипке, на гитаре, на балалайке... Редкий вечер касался инструмента старик Николай Михайлович Степанов: «Навеки умолкли веселые хлопцы, в живых я остался один». Николай Михайлович умер не от старости — от старых ран умер.

Пять лет назад в станице Днепровской похоронили мать Степановых. С воинскими почестями. Трижды стреляли в воздух молоденькие солдаты, прибывшие сюда. Пионеры клали цветы на могилу.

Она жила долго, до девяноста двух лет. Ждала сыновей. И днем ждала и ночью. И в степь выходила и у плетня стояла. Долго жила, все ждала. Иногда доставала письма, которые когда-то ей прочитали снохи, соседи. Она, говорят, хорошо помнила, что в тех письмах Илюша писал: «Я рад за нашего Шурика, он молодец, он у нас оторви да брось, сорвиголова, отчаюга».

Саша писал домой снохам: «Противника гоним, аж ноги болят! Шура, Дуня и все — берегите маму. Пусть меньше работает, да за топкой ходите. Ну, будьте здоровы, а мы закончим, тогда приедем, если будет счастье.

Ваш сын и брат Саша».

Она, говорят, всегда это помнила: «и все». «...И все — берегите маму». Все, все берегите маму! — просил с фронта ее младший, ее последний, ее девятый.

Ни в станице Днепровской, ни в райгородке Тимашевске сегодня не забывают Степановых — мать и ее сыновей. В Тимашевске построен и открыт музей семьи Степановых. А днепровской школе присвоено имя Героя Советского Союза Степанова. Бюст Саши стоит на центральном бульваре в Тимашевске. И день за днем продолжается поиск все новых и новых сведений о жизни семьи. Поиск ведут и музей семьи Степановых во главе с директором Ангелиной Павловной Писаревской, и пионерские дружины, красные следопыты Тимашевска, Днепровской и хутора «1 мая». Люди помнят, что почти восемь тысяч человек уходили из Тимашевского района на фронты Великой Отечественной войны. И люди помнят, что более двух тысяч солдат пали смертью храбрых за освобождение только одного этого кубанского района — более двух тысяч! Это им всем — живым и мертвым — посвящены экспозиция музея семьи Степановых и монумент «Мать», который заложен в центре Тимашевска. Вечная память Епистимии Федоровне Степановой...

Живые приходят с цветами к месту памяти о мертвых. И наверняка среди посетителей музея семьи Степановых не раз будут дети Палферовых — Александра Ефремовича и Тамары Дмитриевны. Дети счастливой супружеской пары Палферовых с улицы Первомайской того же Тимашевска. Мама и папа Палферовы — фронтовики. Встретились во время войны, полюбили друг друга, разъехались. После расставания мама, Тамара Дмитриевна, пошла на фронт добровольцем. Наверное, надеялась попасть в одну часть с молодым мужем Александром Палферовым. Но воевала она в иных местах. В 1945 году под Белостоком Тамару ранило. Оперировали ногу несколько раз. Последнюю операцию — вот совпадение! — делали как раз 9 мая. И тут...

— Война кончилась! Девочки, война кончилась! Победа!

Такого не забыть.

— Победа! — кричали дети возле хаты бабушки Епистимии.

— Победа! — ликовала страна.

Палферовы, и не жившие еще вместе, нашли друг друга. И вот поселилось счастье в доме на Первомайской, в станице Тимашевской, почти по соседству с хатой бабушки Степановой, что на хуторе «1 мая». Счастье в доме — это так хорошо. Зачем тогда жертвы Степановых, если бы не было счастья у Палферовых, у всех живущих сегодня! У матери Родины в первую очередь.

Дом Палферовых полная чаша. И детей, детей за столом — не перечесть! Сразу завтракать садятся одиннадцать, да еще на Дальнем Востоке живут трое. Четырнадцать — вот это семья! Семья победивших в 1945 году. Жизнь продолжается. Пусть рождаются дети, много детей. И пусть они, сколько бы их ни было у родителей—два, девять, четырнадцать,— пусть никогда не узнают, что такое война. Хватит и того, что узнали их родители, деды, бабушки. Узнали, превозмогли.

БЛОКАДНАЯ ЕЛКА

А. ШАПОШНИКОВА

...Декабрь. 1941 год. Ленинград в кольце вражеской блокады. Связь его со страной в это время осуществлялась только воздушным путем.

Зима 1941/42 года была суровой и снежной. Сил у ленинградцев расчищать город от снега не хватало. И сейчас вспоминаю Ленинград того времени в сугробах, весь в тропках и дорожках.

В декабре начал свирепствовать голод. К концу декабря даже те мизерные нормы продовольствия, которые выдавали по карточкам, получали не полностью: не было продуктов. Бадаевские склады, где хранился неприкосновенный продовольственный запас, враг разбомбил. Накормить ленинградцев, доставляя продукты питания самолетами, было невероятно трудно. Начались дистрофия и цинга. С каждым днем росла смертность. Трупы можно было увидеть на улицах, в подворотнях, некоторые семьи, умирая, так и оставались в квартирах.

В середине декабря остановились трамваи, не было электричества. В домах замигали коптилки. Не работали водопровод и канализация. Воду возили на санках из Невы и других речек Ленинграда. Закрылись бани, бытовые учреждения. Но Ленинград продолжал жить и работать. Враг был остановлен, хотя он стоял уже на окраинах. Бои шли непрерывно.

В это время в Ленинграде находилось очень много раненых с Ленинградского, Волховского, Карельского фронтов. Эвакуировать их было невозможно, поэтому не только больницы, но и здания учебных заведений, дворцы культуры были приспособлены под госпитали. Молодежь вузов, в особенности девушки, пошла работать в госпитали. В один из таких госпиталей получила назначение и я — секретарем комсомольской организации (в 1941 году я окончила десятилетку и поступила в Ленинградский университет). Наш большой госпиталь — несколько тысяч раненых — располагался в здании петровской постройки, на набережной реки Ждановки, напротив стадиона имени В. И. Ленина.

Госпиталь ежедневно обстреливался, еды едва хватало, недоставало и медикаментов. Раненые поправлялись медленно. И тем не менее все рвались в бой и с нетерпением ждали дня, когда смогут покинуть госпиталь.

Приближался Новый год. Комсомольцы — большинство из них до войны учились в вузах — решили устроить для раненых настоящий новогодний праздник, заготовить побольше дров, чтобы как следует натопить «буржуйки», постирать белье (прачечные не работали), сходить в лес, принести хвойных веток и сделать экстракт: у раненых начиналась цинга. Ну, и достать елку, украсить клуб.

Все девушки загорелись идеей праздника, хотя сами чувствовали себя ненамного лучше раненых. Многие из них были ленинградками и часть своего пайка отрывали для родных. Почти каждый день кто-нибудь из девушек приносил тяжелую весть о кончине близких. И все же духом никто не падал.

Комсомольские организации отделений разбились на бригады. Одна заготовляла воду — за ней приходилось ходить на Большую Невку, по полкилометра в каждый конец. Другая — запасалась топливом. Третья — стирала, четвертая — сушила и гладила белье.

Двадцать девятого и тридцатого декабря в палатах и коридорах мылись полы, на постелях менялось белье. Специальная бригада, набрав хвою, приготовила на пищеблоке крепкую ароматную настойку. Елку притащили из леса — большую, пушистую. Девушки сделали из разноцветной бумаги много ярких игрушек. Елка получилась нарядная, красивая. Не нашлось свечей, и все об этом очень жалели.

...В огромный зал госпиталя пришли все, кто хоть как-то мог передвигаться. Уже начал свое праздничное выступление начальник госпиталя, как вдруг стало известно, что к нам в гости приехал Николай Тихонов. Он поднялся на сцену под дружные аплодисменты зала. Выступление Николая Семеновича было таким взволнованным и сердечным, что многие не сдержали слез. Стихи, которые он прочитал, мы слушали, затаив дыхание. Как сейчас вижу сияющие глаза нашего комсомольского актива — Жени Воронцовой, Клавы Серебровой, Марии Шалдо, Виктории Гофман и многих других милых и дорогих моих подруг.

Затем показали фильм «Депутат Балтики». Все смотрели его с большим удовольствием, особенно раненые военные моряки.

Многим этот праздник поднял настроение, и выздоровление пошло быстрее. А главное — укрепилась вера в непобедимость нашего города, в то, что настанет время — и в каждый дом придет счастливый мирный праздник Нового года.

Игорь МИХАЙЛОВ

ОГНИ

МЕДЕПЛАВИЛЬНЫЙ ЗАВОД

Несравненный, несравнимый —
то ли сказка, то ли небыль —
этот цех необозримый,
головой ушедший в небо,

где зелеными огнями
фейерверки плавок плещут,
и растворы — там, под нами,—
изумрудным морем блещут...

Словно взявшись ниоткуда,
словно из-за туч упало
это явленное чудо —
сразу близким сердцу стало...

Стало близким тем охотней,
что повсюду, повсеместно
километров на три сотни —
«Степь да степь кругом»,
как в песне...

Не сродни ли эти краны,
что плывут в пространстве где-то
фантастическим романам
и космическим ракетам?

Не с того ли в этом зале —
дружно, по команде вроде —
мы невольно шапки сняли,
словно в храм науки входим?

НА ДНЕ ИРТЫША

От волнения чуть дыша,
я стою на дне Иртыша.
Не утопленник, не Садко,—
я спустился на дно легко.

По ступенькам сюда сошел —
к Иртышу в бетонный колодец.
Где-то рядом он бьется, зол:
ярый гнев старика колотит.

Да и как не взбеситься тут:
без стеснения и без спроса
приспособились и сосут,
тянут воду его насосы.

Рты жаднющие... Ну и рты ж!
Как привыкнуть к чавканьям
грубым?
Хочешь, нет ли — а ну, Иртыш,
поднимайся, теки по трубам!

Успокойся, пойми: не зря
воды вольные в степь угнали —
занимаясь, медлит заря,
чтоб себя разглядеть в канале.

Ты не рыпайся, дорогой!
Очень скоро, согласно плану,
ты придешь со своей водой
к меднорудному Джезказгану.

Позарез нам нужна руда —
нет ей в этих краях предела...
Очень здорово это, когда
всенародному служишь делу!

МАНГЫШЛАК

Что такое Мангышлак?
Говорят, что это просто
неприметный полуостров.
Так ли это? Нет, не так.

Я сомненьем обуян:
может, это в самом деле
легендарный великан —
на манер Пантагрюэля?

В представлении таком
есть резон — судите сами:
ведь понятие о нем
неразлучно с чудесами.

Здесь — настойчиво и яро,
взявшись Родине помочь,—
как бы некие дояры
доят землю день и ночь.

Не смолкая, не стихая —
нынче больше, чем вчера,—
влага жирная, густая
подается на-гора́,

чтоб, добытчикам во славу,
вдоль полей родной земли
многотонные составы
нескончаемо ползли.

Словно фронт победно прорван —
сотый, тысячный фонтан...
Нефти — уйма,
нефти — прорва,
нефти — черный океан!

Тут и газ добыт по плану —
забывать о том не след,—
в нем бутаны и пропаны,
и чего в нем только нет!

Ты заслуг его не скроешь,
и все чаще — добрый знак! —
«полуостровом сокровищ»
именуют Мангышлак.

Новый Стивенсон найдется,
несомненно, для него...
Славь мой стих,
подъемли к солнцу
Мангышлака торжество!

НАЧ

Цола ДРАГОЙЧЕВА,
член Политбюро ЦК БКП,
председатель Всенародного комитета болгаро-советской дружбы,
лауреат международной Ленинской премии
«За укрепление мира между народами»

Этот день запомню навсегда. Навсегда останется он и в памяти истории. 22 июня 1941 года...

Ровно в семь часов утра радио Софии передало чрезвычайное сообщение: «Берлин. Сегодня утром фюрер сделал следующее заявление...»

И с торжественно-ликующими интонациями диктор стал читать обширное резюме заявления. Обращаясь к немецкому народу и ко всем национал-социалистам, Гитлер сообщал о предпринятом походе на Восток, объявляя себя мессией Германии и всей цивилизованной Европы.

Я подошла к окну. За широким бульваром, высоко за красными крышами домов синело небо — ясное, чистое, синее, такое, каким бывает небо над Софией только в июне. Неужели стала фактом угроза, месяцами омрачавшая нас? Все, даже упрямые оптимисты, чуяли шаги страшного часа, который неумолимо надвигался, но все, даже неисправимые скептики, жаждали отсрочки неизбежного, хотя бы на год, на месяц, на день...

Но неизбежное свершилось. Все мое существо бунтовало против этого чудовищного факта, но снова и снова все его подтверждало: и землисто-серые лица супругов Кирановых — моих хозяев и храбрых, неутомимых сотрудников Центрального комитета, которые сидели, окаменев, у радиоприемника, и необычайное для выходного дня движение внизу на бульваре, и неумолкающий речитатив диктора радио. Только ясно-шелковистое небо сопротивлялось страшной вести до момента, когда стая немецких истребителей пролетела низко над крышами и металлическим ревом раскрошила утро на кусочки... Я вышла из квартиры Кирановых.

...Этот софийский день в моей памяти пестреет гитлеровскими знаменами, вывешенными на фасадах учреждений и общественных зданий, окрашен звуками жестяного крика уличных репродукторов, передававших многократно, до хрипоты, воинственные декларации. Вызывающие возгласы упитанных господ, шествующих по центру города и размахивающих флажками с гитлеровской свастикой... Но картина этого дня, сохранившаяся в моей памяти, полна и молчания — враждебного молчания тысяч людей, столпившихся под уличными репродукторами,— полна безмолвия столичных окраин, оцепеневших и сбитых с толку страшной вестью, насыщена тревогой. Тревогой за милую сердцу далекую землю, ставшую жертвой вероломства, за ее мирный народ, которому история снова прочила суровые испытания, тревогой за судьбу Болгарии, катящейся к катастрофе.

Ворвавшаяся как внезапный смерч в покой июньского дня, эта тревога остановила на миг бег времени. Прежде чем загреметь дальше по рельсам войны, время как будто остановилось, чтобы перевести дыхание. Время и мы...

Перехожу бульвар с тополями и сворачиваю в устье тихой улицы Аксакова. Иду как во сне, все еще не в силах сбросить с себя потрясение.

— Гутен морген, мадам, приношу свои поздравления...

Немецкий офицер, только что вышедший из двора дома банкиров Шипковых, с ухмылкой приветствует меня по-немецки, поднимая почтительно руку к фуражке. Он, конечно, меня не знает, и в другое время подобный жест высокомерного офицера был бы абсурдным, необъяснимым. Но сегодня, в этот памятный для великого рейха день, здесь, в буржуазном центре Софии, при встрече с дамой в шляпе с вуалеткой и в перчатках — явно из зажиточного сословия — приветствие невольно срывается у него с языка...

Следует ответить хотя бы малейшим жестом вежливости — к этому обязывает роль «дамы из общества», которую я вынуждена играть, этого я сама требовала от товарищей, оказавшихся в моем положении. Офицер числится в службе гестапо, размещенной в доме банкиров,— все это я сознаю, но как раз сегодня я не в силах быть вежливой с ликующим гестаповцем. Однако не забываю сделать то, что у всех нас стало второй натурой: бросить вокруг притворно рассеянный взгляд, чтобы установить, не веду ли за собой «хвост»...

Дом, интересующий меня,— это внушающее уважение строение почти напротив резиденции гестапо. Не думаю, чтобы офицер последовал за мной. Если я и задела честолюбие тевтонца (краем глаза я приметила, как после моего демонстративного безразличия его улыбка перешла в гримасу) и он взглядом следит за мной, интерес его скоро пропадет: улица, по которой я спокойно иду, и дом, в который не спеша вхожу, отмечены полной благонадежностью. Улица Аксакова, 48. Вокруг живут семьи потомственных фабрикантов, дипломаты, торговцы табаком и розовым маслом, предприниматели, банкиры — публика, дружески расположенная к режиму; в доме 48 владеет квартирой хорошо известный гестапо генерал Каров, сильная фигура Верховного военного суда...

Я направляюсь этажом выше. Здесь, в квартире старой народной учительницы Дафины Главиновой, секретная явка Политбюро Центрального комитета.

Трайчо Костов (Пенков) сидит за столом у окна и, сняв очки, медленно массирует пальцами виски, как будто мучимый головной болью. Привычный жест, когда расстроен. Но таким, как сейчас, я никогда его не видела. Бессильные линзы очков... Его близорукие глаза неподвижны, словно взгляд их направлен внутрь.

В противоположность ему Антон Иванов (Вуйчо) ходит по комнате из угла в угол. Облако дыма стелется от его вечно дымящейся сигареты, и время от времени, как будто дискутируя с невидимым собеседником, он взмахивает рукой. На лицо, покрасневшее от напряжения, упали пряди волос, уже совсем поседевшие. Все в нем — и жесты, и мимика, и ясные, синие глаза — выдают страшное возбуждение. И это возбуждение растет под лавиной сообщений, которые наш «Филипс» извергает без умолку:

«...бронетанковые войска фюрера углубились на сорок километров на советскую территорию... уничтожены сотни советских самолетов. Прямо на аэродромах... Разбомблены сотни городов и сел, шоссе и порты, железнодорожные линии вглубь на 300 километров... Военные комментаторы единогласно утверждают, что большевистская Россия не сможет противостоять тотальному удару более шести недель...»

После вчерашнего длительного заседания в этой квартире Трайчо Костов остался здесь, чтобы подготовить проект письма Политбюро ко всем членам партии и нашим единомышленникам в связи с быстро меняющейся мировой обстановкой. На столе перед Трайчо Костовым лежат листы бумаги, исписанные его мелким, разборчивым почерком, и другие, заполненные стенографическим письмом.

Антон Иванов вышел из своей подпольной квартиры, узнав ужасную весть. Он, как и я, немедленно направился к Главиновой. По дороге, чтобы сбить возможный «хвост», он обошел часть города, покружил по торговым рядам «Св. Карла» и «Алабина», послушал очередные коммюнике, передаваемые уличными репродукторами, и, отступая от своей непобедимой

Отрывок из новой книги мемуаров Цолы Драгойчевой «Последний штурм», основная часть которой посвящается героической вооруженной борьбе болгарского народа против монархо-фашистской власти и гитлеровских завоевателей.

А Л О...

привычки, перебрасывался с людьми кое-какими словами... Он был переполнен впечатлениями, смущающими, тревожными, но и обнадеживающими. Антон рассказывает о каком-то корчмаре, который выкатил на площадь бочку с вином и угощал «за победу», причем все время кричал в исступлении: «Хайль Гитлер! Россия капут!»

— Ты бы посмотрела, с какой ненавистью глядели на него люди! — делится возбужденно Антон Иванов.— А он, негодяй, кричит как болван, разливает вино и не понимает, что праздник корчмарей — это еще не праздник народа...

Подобно пловцу, нырнувшему в глубины вод, Антон Иванов ощутил глухое и неуловимое, пока еще подспудное волнение масс, существовавшее и вчера, но уже явно проступившее сегодня, а завтра оно наберет силу и вскипит всесокрушающей бурей народного гнева.

Да, Антон Иванов глубоко верит в силу народного сопротивления. В то же время он переживает войну как свою личную трагедию. Вернувшись недавно из Советского Союза, оставив там семью, друзей, он больше всех нас связан с землей победившей революции. Гонимый болью, он ходит из угла в угол, время от времени затихает у окна, как будто прислушиваясь к канонаде войны, потом надолго останавливается перед географической картой, висящей на стене. Для него, профессионального революционера, пересекавшего тайно и явно границы многих стран, эта карта не просто кусок раскрашенной бумаги. За географическими обозначениями его глаза видят мирные русские города и села, поля, которые он избороздил, людей, среди которых он жил. Антон представлял себе страдания, которые война принесет советскому народу, пепелища и разруху, потоки крови. И от этого боль в его глазах становится нестерпимой...

— Внимание, внимание! Говорит Москва...

Над клубами табачного дыма голос диктора, вибрирующий от напряжения, звучит внезапно, хотя мы его и ждали. Русский язык. «Филипс», стоящий на столике под географической картой, настроен на московскую волну.

Стоим около приемника в напряженном молчании.

«Граждане и гражданки Советского Союза! Сегодня в четыре часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну...»

Через вой и треск в эфире долетает голос...

«Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Завершив стенографическую запись речи, Трайчо Костов встал, поднялись и остальные. Мы, коммунисты, понимали, что на карту ставится не только существование Советской страны — родины коммунизма; война угрожает всеобщему делу революции, и поэтому Отечественная война советского народа является священной войной и для нас, защитников красного знамени во всех странах. Мы были уверены, что через расстояния и границы, несмотря на идейные, расовые и религиозные различия, правое дело сплотит людей в единую армию антифашистского сопротивления.

Итак, Великая Отечественная война началась и для нас, болгарских коммунистов, антифашистов и патриотов. В этот же ненавистный день, в этот же час.

Долг перед временем не дает нам права на отсрочку...

— Думаю, будет уместным обращение к народу,— прогудел Антон Иванов своим басом.— Разъяснить характер начавшейся войны... Призвать к сопротивлению... И, думаю, хорошо бы сделать это немедленно.

Опаленный в бесчисленных битвах ветеран мгновенно занял свое место на баррикаде.

Трайчо Костов, положив руку на листки со стенографическими записями, сказал:

— Пока вас ждал, я набросал это. Теперь надо дополнить, уточнить...

Его слова прозвучали приглашением взяться за работу. Правда, двоих из пяти членов Политбюро не было в Софии, а исключительная важность предстоящего дела требовала соблюдения коллективного принципа руководства. Но медлить нельзя. Кроме того, следовало уже на следующий день созвать расширенное совещание Политбюро, которое бы всесторонне обсудило создавшееся положение, а также приняло бы соответствующие решения.

Текст, подготовленный Трайчо Костовым, стал основой того исторического призыва, который руководство партии приняло и распространило в первый день Великой Отечественной войны. Сели за стол и не вставали, пока документ не был готов окончательно.

В призыве было сказано, что партия и весь болгарский народ глубоко потрясены вероломным гитлеровским нападением на Советскую страну. Коммунисты выражали непоколебимую уверенность в том, что Гитлер, вовлекший немецкий народ и весь мир в длительную и безысходную войну, «неминумо сломает голову».

Призыв так определил характер начавшейся войны: «История не знает более империалистической, более разбойнической и контрреволюционной войны, чем эта, которую фашизм начал против СССР. И наоборот, нет более справедливой и более прогрессивной войны, чем та, которую советский народ ведет против фашистского нашествия и от исхода которой будут зависеть судьбы всех народов». Дальше в призыве подчеркивалось, что именно с Советским Союзом наш народ связывает все свои надежды на лучшее будущее. «Перед нами стоит задача помочь, чем можем, советскому народу в тяжелой борьбе».

«Будьте бдительны и сопротивляйтесь всячески и самым энергичным способом тем мерам, которые предпримет правительство, чтобы вовлечь нас в войну или поставить нашу страну в услужение фашистским разбойникам!

Ни зерна болгарской пшеницы, ни куска болгарского хлеба немецким фашистским грабителям. Ни одного болгарина у них в услужении!..

Все на своем посту!»

После полудня 22 июня я покинула квартиру Главиновой и с помощью Николы Павлова (Комар), опытного и находчивого сотрудника Центрального комитета, стала немедленно разыскивать находящихся в Софии членов ЦК, чтобы они приняли участие в расширенном совещании Политбюро. Решили, что оно состоится на следующий день. Исключительно сложный политический момент, а также необычайная важность вопросов, которые предстояло решать, требовали созыва пленума — это было нормальной практикой в работе Центрального комитета. Но теперь ни время, ни обстоятельства не способствовали этому: пленум требовал многодневной подготовки, а собираться всему руководству в одном месте как раз сейчас, после резкого ухудшения условий, было чрезвычайно опасно.

На дне моей сумочки, под пистолетом «Вальтер», лежали листки с окончательным, разборчиво переписанным текстом. Требовалось доставить их Йордану Катранджиеву (деду Станчо), ответственному за Центральную партийную типографию. Мы хотели этой ночью отпечатать призыв возможно большим тиражом.

Мрак уже охватил поле у квартала «Четвертый километр», когда под вечер 23 июня расширенное совещание Политбюро приступило к работе.

И теперь жива перед моими глазами картина — девять человек, собравшихся в большой комнате, смотрящей окнами во двор. Люди работали с ясным сознанием своей ответственности перед историей. Мы принадлежали к разным партийным поколениям, не одинаковыми были у нас политическая подготовка, образование и стаж, личные судьбы, но все эти различия сейчас обернулись преимуществом: мобилизовав все знания и способности, каждый из нас вносил свой вклад в разработку новой партийно-политической линии, давал все, на что был способен.

Решения, принятые расширенным совещанием, намечали новый политический курс партии в обстановке начавшейся войны. Они стали программой вооруженной борьбы болгарского народа. Как указал чуть позже Георгий Димитров, это был единственно правильный путь к освобождению страны от немецко-фашистских насильников и их болгарских пособников, к спасению Болгарии от третьей национальной катастрофы. Вести эту борьбу повелевал нам интернациональный долг; это была единственно достойная возможность действенно помочь народам Советского Союза, поднявшимся на Отечественную войну не только ради спасения своей Родины, но и ради освобождения человечества от фашистской чумы...

Поздним вечером 24 июня расширенное совещание Политбюро окончилось. Его участники один за другим бесшумно покидали дом. Мы сделали важное дело, но настоящая работа еще только предстояла. Решения обретают силу, перерастая в пламя и взрыв, слова хороши, когда превращаются в пули. Вся наша родная земля, земля Ботева и Левского, земля Благоева и Димитрова должна была полыхать священной антифашистской борьбой.

* * *

И борьба вспыхнула — история тому свидетель. Постепенно набирая силу, она приобрела размах эпического, смертельного поединка народа, руководимого Болгарской коммунистической партией, с монархо-фашистской властью и гитлеровскими завоевателями. В авангарде шагали коммунисты и ремсисты (рабочий молодежный союз). Позже в ряды революционной армии под объединяющее знамя Отечественного фронта встали все антифашисты и демократы, истинные патриоты и патриотки — все, кому дорого было национальное спасение родины.

9 сентября 1944 года борьба увенчалась победой. Опираясь на братскую помощь могучей Советской Армии-освободительницы, болгарский народ поднялся на вооруженное восстание и сбросил оковы монархо-фашистского гнета. Открылась новая страница в многовековой истории Болгарии. Страница, озаренная светом социализма.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ,
фото Геннадия КОПОСОВА,
специальные корреспонденты
«Огонька».

Этот репортаж о совместных советско-французских исследованиях, ведущихся в рамках соглашения о научно-техническом сотрудничестве между СССР и Францией. Эксперименты на острове Хейса — часть обширной программы изучения полярных областей, которые являются поистине золотым фондом советской геофизики.

ПОЛЯРНОЕ УТРО

РАКЕТОДРОМ СРЕДИ АЙСБЕРГОВ

К приезду французских исследователей в обсерваторию «Дружная» повар тетя Шура испекла торт «Наполеон». Торт этот она делает обычно по праздникам или когда у кого из полярников бывает день рождения. Впрочем, приезд французов на маленький остров в Ледовитом океане тоже стал днем рождения — днем рождения советско-французского научного эксперимента под поэтичным названием «Полярное утро».

Наука героична в своих будничных проявлениях. Ну, а если исследователи — физики-плазменщики, геофизики, конструкторы, метеорологи еще живут и работают за восьмидесятым градусом северной широты на узкой полоске земли, вмерзшей в воды Северного Ледовитого океана, то каждодневный труд этих людей — подвиг. Недаром самая северная в мире геофизическая обсерватория «Дружная» носит имя отважного полярного исследователя Эрнста Теодоровича Кренкеля.

В центре острова — пресное озеро, из которого берут питьевую воду. На берегу домики полярников и самое мирное на свете вооружение — метеорологические приборы. Чуть подальше стартовые площадки, откуда уходят в небо разведчики ученых — метеорологические ракеты. А кругом безбрежный, скованный стужей океан, ледяные торосы, огромные айсберги.

Эти айсберги первыми встречают полярное утро. Солнца пока нет, даже самого краешка его не видно из обсерватории. Полярная ночь. Кажется, что до рассвета должна пройти вечность. Но вот на горизонте засветилось слабое зарево. Первыми его видят айсберги и словно от радости розовеют. А через несколько дней солнце встречают люди, так соскучившиеся по нему за долгую полярную ночь. Все сотрудники обсерватории собираются на самом высоком месте острова и салютуют первым лучам. На этот раз, кроме советского шампанского, в честь восхода солнца открыли и бутылку доброго французского вина.

Но что же привело ученых на ледяной остров? Я спрашиваю об этом доктора Кристиана Бегена, видного французского специалиста в области изучения физики плазмы.

— Советский Союз имеет уникальную с научной точки зрения самую северную в мире геофизическую обсерваторию на острове Хейса, ракетодром среди айсбергов, как прозвали обсерваторию мы, французы,— отвечает Кристиан.— В этом отношении работы вашей Гидрометеослужбы имеют мировое значение. Положение обсерватории удивительно удобно для наблюдений за во многом еще неведомыми процессами, которые происходят в верхней атмосфере, ионосфере Земли; преддверии космического пространства.

Здесь находится область так называемого «полярного овала». Магнитные линии сходятся к поверхности Земли, как бы образуя воронку. Через эту воронку и проникают космические частицы, ведь на их пути не встает магнитный экран, как везде на земном шаре. Именно в полярных областях часты магнитные бури, полярные сияния. Все эти процессы влияют на радиосвязь, навигацию, а в какой-то мере и на погоду земного шара. Как вы видите, исследования космоса и исследования Земли тесно связаны.

В наш разговор включается руководитель работ на Хейса с советской стороны научный сотрудник Гидрометеослужбы Юрий Тулинов.

— Эксперимент продолжается круглый год,— рассказывает он,— и разделен на четыре периода. Особенно интересен переход от полярной ночи к полярному дню, когда подключается мощный источник ультрафиолета — солнца — и происходит полная перестройка верхней атмосферы и ионосферы от зимних к летним условиям. Вот почему мы и назвали эксперимент «Полярное утро». Это полностью отвечает научному смыслу работы. Как видите, восход солнца — самое плодотворное время не только у поэтов, но и у физиков,— шутит Юрий.

Кристиан Беген и Юрий Тулинов оба молоды и увлечены исследованиями. Беген — небольшого роста, энергичный, подвижный. Обаяние не последняя черта характера, которая помогла ему снискать симпатию полярников. Но одного обаяния, конечно, было бы мало. Север приучает и к доброте и к требовательности. Советские и французские коллеги отнеслись к Бегену с уважением за его глубокие знания инженера-радиотехника и ученого — исследователя плазмы.

Он родился в Бордо. Закончил институт радиотехники и курс университета по физике. Работает в ионосферной группе Национального центра научных исследований в Орлеане. Перед совместным экспериментом Кристиан развил особенно кипучую деятельность, подготавливая «начинку» ракет. То, что ему не удалось сделать в своей лаборатории, он занял у коллег. Так оказалась на Хейса телеметрическая станция с интересной системой регистрации и некоторые другие приборы.

— Мне дороги не только те научные результаты, которые эксперимент может дать, но и сам стиль работы в обсерватории «Дружная»,— говорит он.— Именно дружба и деловое сотрудничество должны привести к успеху этого сложного научного эксперимента, который идет в трудных условиях Севера.

Если Кристиан Беген на острове Хейса первый раз, то Юрий Тулинов уже опытный полярник. Родился Юрий в Калуге, на родине Циолковского. «Не случайно занимается ракетными исследованиями»,— подшучивают друзья. На Хейса приехал впервые в 1967 году, вскоре после окончания Московского университета. И, как все, кто работал в Арктике, полюбил ее суровую красоту. Но главное, что влечет его сюда,— научная работа, познание еще неизвестных человеку явлений в верхней атмосфере. Этому вопросу была посвящена его кандидатская диссертация. Сразу же после окончания эксперимента Юрий должен ехать во Францию для обсуждения полученных результатов и выработки дальнейших исследований.

Механик-водитель Григорий Новиков.

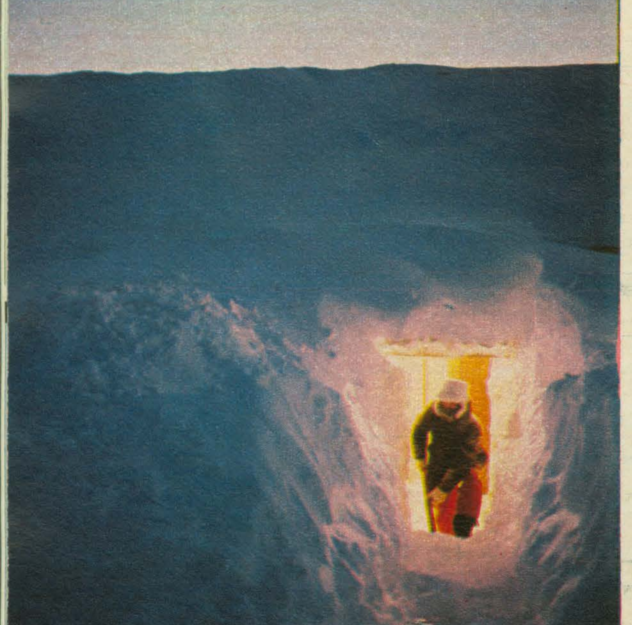
На остров Хейса прибыл самолет с материка.

На развороте вкладки:

Стартует метеорологическая ракета.

Старшие инженеры Олег Клюев (справа) и Виктор Рукавичкин наблюдают за искусственными светящимися облаками.

СССР-04240



Но об итогах потом. Сейчас на острове Хейса идет напряженная подготовка к запуску ракеты с научной аппаратурой.

ОРАНЖЕВЫЕ ОБЛАКА

«Эх тачанка-ростовчанка» — лихая мелодия вырывается из горла репродукторов. По «тачанке» все на Хейса узнают, что ракету уже обрядили сложными приборами и вывезли из «технички» в специальный крытый коридор. По рельсам она направляется на стартовую площадку.

Этого момента ждали уже давно. Дело в том, что для запуска ракеты с такой научной аппаратурой нужна была абсолютно ясная, но безлунная ночь, без единого облачка, что в Арктике не часто.

И вот, наконец, наступила эта ясная безлунная ночь с яркими, будто хрустальными звездами, вмерзшими в северное небо. В помещении, похожем на небольшой вагон, у приборов заняли свои места Юрий Тулинов и Морис Майяр — французский специалист-радиотехник, зимующий на Хейса уже четвертый раз.

Не так-то просто было подготовить «начинку» ракеты — чуткие счетчики космических частиц, приборы для измерения температуры на высоте почти в сто семьдесят километров, зонды, дающие сведения о плотности электронов, и главный «гвоздь» программы — натриевый контейнер. Всю эту разнообразную аппаратуру надо было создать, разместить в головной части ракеты, добиться, чтобы она работала одновременно и приборы при этом не мешали друг другу.

Разрабатывали аппаратуру советские и французские специалисты. Это был подлинный азарт коллективной научной и инженерной работы. Не раз приборы испытывали и проверяли на Земле в вакуумных плазменных камерах. И все-таки теперь руководителя технической подготовки ракетных исследований, Виктора Тесленко не покидает волнение: как-то сработают приборы в преддверии космического пространства?

Ракета подходит к стартовой площадке. Коридор, по которому она движется, крытый, чтобы ракету не занесло снегом. Стартовая площадка тоже крытая. Крыша раздвинется за несколько минут до старта.

При подготовке бортовой аппаратуры французские специалисты, наверное, забыли о суровых морозах в Арктике: она рассчитана на пять градусов тепла, на улице же все тридцать мороза. Срочно пришлось искать выход. Стартовый ангар, а затем и ракета в пусковой прогреваются специальными бензиновыми прогревателями до двадцати градусов тепла. Этого достаточно, чтобы научная аппаратура и головная часть ракеты за десять — пятнадцать минут с момента открытия крыши ангара и до старта не охладилась ниже положенной температуры.

В небо взлетают предупреждающие — красная и белая — ракеты, озаряющие все вокруг театральным светом.

До старта остаются минуты. Юрий Тулинов и Морис Майяр проверяют общую готовность.

До старта двадцать секунд, девятнадцать, восемнадцать... одна!

Взорвана безмолвная ночь. Еще секунда, и ракета превратилась в маленькую звездочку в ледяном океане северного неба. Эта маленькая звездочка говорит об огромности нашего мира. Сведений, добытых ею, ждут сейчас не только на полярном островке, их ждут в Москве в Гидрометеослужбе СССР, их ждут в далеком Париже.

Мадам Шанен уже запрашивала, какие известия с Хейса, как прошел первый запуск. Она, научный руководитель (с французской стороны) работ, защитившая докторскую диссертацию по исследованию верхней атмосферы методом искусственных натриевых облаков, не смогла прилететь на Хейса. Обязанности матери (у нее восьмилетний сын) задержали ее в Париже. Но она была на Хейса в 1967 году, когда совместные советско-французские ракетные работы только начинались. Тогда Тулинов следил за аппаратурой из такого же, как сейчас, вагончика, а Шанен наблюдала за приборами, установленными в самолете. «Первая француженка в советской Арктике» называют коллеги эту элегантную темноволосую молодую женщину.

...Работают все обсерваторские геофизические и ионосферные приборы. Через двести секунд должен включиться натриевый контейнер, установленный в головной части ракеты, и выпустить искусственное облако. Пожалуй, эти двести томительных секунд — самое напряженное время для ученых. Не доверяя приборам, они, не отрываясь, смотрят в ночное небо. Небо высокое, темно-синее, бархатное. Ярко горят звезды. Среди них наша ракета.

И вдруг вокруг нее расцветает оранжевый одуванчик. Он растет на глазах, это уже не одуванчик, а апельсин, стремительно увеличивающийся в размерах. Под воздействием атмосферных ветров и диффузии облако меняет свои четкие очертания, расползается и превращается на глазах в огромную хвостатую комету.

Приборы постоянно фотографируют искусственное облако, записывают его свечение, направление движения, скорость...

— Облако оранжевое, потому что под действием солнечных лучей атомы натрия, выпущенные в пространство, возбуждаются и начинают светиться оранжевым светом,— объясняет Юрий Тулинов.

— Но ведь сейчас ночь, солнца не видно? — спрашиваю я.

— Солнца еще не видно, но оно уже освещает верхние слои атмосферы под нужным нам углом. Мы этого ждали, чтобы начать эксперимент.

— Что дает ученым метод искусственных светящихся облаков?

— Метод искусственных натриевых облаков дает возможность измерить температуру верхних слоев атмосферы почти в ста семидесяти километрах над Землей,— отвечает Тулинов.— Впервые мы начали работать над этой проблемой в 1967 году.

Результаты опытов буквально потрясли ученых своей неожиданностью. Оказалось, что температура на высотах в 120—170 километров порядка тысячи градусов тепла по Кельвину. Частицы движутся с огромными скоростями, и вся верхняя атмосфера не постоянна, подвержена бурным вариациям, живет какой-то неизвестной еще нам жизнью, движется, дышит. Это связано с целым рядом причин — геофизической активностью, интенсивностью космических частиц, которые свободно попадают в воронку над полярной областью.

— До сих пор ученые могли исследовать лишь качественные изменения и взаимосвязи в верхней атмосфере,— продолжает рассказывать Тулинов.— Теперь же мы получили возможность изучать количественные взаимосвязи, то есть какой именно поток электронов нагревает атмосферу, на каких высотах, насколько, исследовать токовые системы, связанные с геомагнитным полем Земли, которые тоже являются источником нагрева частиц.

— Натриевое облако, которое мы выпустили, постепенно рассасывается и принимает температуру окружающей среды. Для нас, геофизиков, очень важно то, что искусственное облако здесь не разрушается и мы можем часами следить за ним. В средних широтах за таким облаком мы наблюдаем лишь секунды.

— Как прошел запуск? — спрашиваю я.

— Отлично. И погода была подходящей, и аппаратура, как наземная, так и запущенная на ракете, сработала удачно. Мы долго ждали подходящих условий, но наконец дождались. Результаты эксперимента уже переданы на Диксон. Оттуда они попадут в Москву и Париж.

...Я слушаю Тулинова и думаю об этих людях, работающих в трудных условиях Арктики, об их творчестве, полном драматизма ожидания и неожиданности открытий.

АРКТИЧЕСКИЕ БУДНИ

За первым удачным запуском последовали новые. Уже через две недели исследователи приступили к работам по новой теме. Сокращенно она называется ИПОКАМП — ионосферная полярная кампания. Ученые вели исследования ионосферы в разных условиях: спокойных и когда усиливается геомагнитная активность, начинаются магнитные бури и полярные сияния.

Ракеты со сложными исследовательскими приборами стартовали с ледового ракетодрома. Уходили в небо высотные зонды.

Знать спокойное и возмущенное состояние ионосферы необходимо, чтобы построить ее модель. Это важно не только для науки, но и практики — радиосвязи, навигации, космических полетов и, конечно, метеорологии.

Обычная работа, кропотливый сбор данных, арктические будни.

Надо сказать, что открытия ждали французских ученых не только в науке. По утрам полярники обтирались снегом. Французы смотрели на это с ужасом: такое они видели впервые в жизни. Их приглашали принять участие над их страхом посмеивались, и однажды, когда Беген утром собрался умываться, его просто вытолкали на улицу и окунули в снег.

«Оказывается, если натереться снегом, делается не холодно, а жарко»,— удивился Беген и стал популяризировать свой опыт среди коллег. Утреннее умывание снегом стало неким ритуалом, посвященным в полярники.

И все же экзотики, как считают французы, было маловато. Правда, по утрам нередко приходилось раскапываться. Откроешь дверь из дома (она открывается внутрь), а перед тобой снежная стена: ни войти, ни выйти. Случалось, забредали в обсерваторию и белые медведи. Все фотографии белых медведей в обсерватории у полярников были отобраны и находятся сейчас в Париже, Орлеане, Бордо и других городах Франции, куда возвратились французские исследователи.

После работы слушали радио. Особенной популярностью пользовалась специальная радиопередача с материка для полярников: «голоса родных и друзей». А однажды физик-теоретик парижанин Мишель Амлен услышал свое имя. Еще в школе он учил русский язык и переписывался с членами молодежного международного клуба из древнего русского города Углича. Их голоса, их приветы и долетели на Хейса.

Но жили ученые в обыкновенном деревянном доме, а не из снега и не в чуме, как думали раньше некоторые. По утрам пили кофе с молоком (не сгущенным и не порошковым, а самым настоящим: на Хейса есть корова), а работали на современных приборах с великолепным ракетным оборудованием.

Самая большая экзотика, пожалуй, заключалась в высокой нагрузке на человека — творческой и физической, в мужестве людей, несущих здесь, на Севере, свою научную вахту. У них есть чему поучиться, и Кристиан Беген отныне надеется, что во Франции не десятки человек будут проводить запуск ракеты, а всего шесть-семь, как на Хейса.

— Я и мои товарищи, несмотря на трудные природные условия, рады вернуться на Хейса,— говорит Кристиан Беген.

Улетая с острова, он даже оставил свою научную аппаратуру, а после названия программы поставил цифру «один», как заявку на то, что появятся цифры «два» и «три»...

— Совместное исследование советских и французских специалистов на Хейса продолжается успешно,— отмечает начальник Управления космических систем Гидрометеослужбы СССР Л. А. Александров.— Специалисты разных стран включаются в работу Гидрометеослужбы СССР. Это понятно. Ведь нашу Землю окружает одна атмосфера и ионосфера, процессы в которых так влияют на жизнь нашей планеты.

Проводы полярной ночи.

Вечер в кают-компании.

Снежная пурга занесла дом полярников.

Французский ученый Ролан Дебрэ устанавливает в головной части ракеты научные приборы.

Французский ученый Мишель Амлен.

Исследователи из Парижа на острове Хейса.

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

ШТОРМЯЩИЕ

ПРИХОДЯТ КИТОБОИ

По правилам устава,
без никаких замен,
их
двести дней мотало
за тридевять земель.
Штормящие широты
без них теперь пусты.
Живите,
кашалоты!
Возрадуйтесь, киты!..
Волну
плавбаза режет,
вступая на порог...

А здесь,
на побережье,—
большой переполох!
Все сделано для встречи.
Готово.
Учтено.
И лозунги,
и речи,
и пресса,
и кино.

Еще вчера на рынке
исчезли
все цветы.
Содом стоит великий
в Салоне красоты.
Парад
причесок странных.
Обилие невест...
В кафе и ресторанах
не будет нынче
мест!
И с тем никто
не спорит...

Войдя
в свои права,
сегодня жены
вспомнят
нежнейшие слова!
Сегодня —
время женщин.
Сегодня —
их заря...
Да будет
всем пришедшим
опорою
земля!
Знакомая до боли.
Большая от забот...
Приходят
китобои
в калининградский порт.

* * *

А природа опять
то предельно проста,
то
одета в цветастые перья...
Удивляет меня
не ее красота.
Удивляет
ее терпение.
И когда сквозь асфальт
лепестков пятерня
продирается после полночи,
я не радуюсь силе земли.
Для меня
это прежде всего —
крик о помощи!

* * *

Тост
грузинского застолья —
это дело не простое...
Сочно,
сказочно
и длинно
начинает тамада.
Но отнюдь не подхалимно,
как считают иногда.
В тостах
истинного сорта
есть,
помимо прочих тайн,
нечто вроде горизонта,
убегающего вдаль.
Человеку
намекают
на возможности его.
Оглядеться помогают —
и не более того.
Человека славят гимном,
учат
крылья обретать.
Говорят ему,
каким он,
коль захочет,
может стать!..
Ты сидишь,
нахмурив брови,
хвост редиски теребя...

Стать бы хоть однажды
вровень
с этим тостом за тебя!

РАКИ

Разрушители раков
готовятся к пиру.
Не скрывая улыбок.
Волнуясь слегка...
Вот рука
потянулась к янтарному пиву.
В запотевшую кружку
вцепилась рука.
Блюдо раков
дымится, как адская бездна,
завлекая желающих
в душную мглу.
И, храня ощущенье укропа и перца,
боевые клешни
тарахтят по столу.
А багровые раки —
как рыцари в латах.
Их оружье слабо в современной войне...
Тяжелы и добры
разрушители раков.
Разрушители раков
довольны вдвойне
тем, что, в общем,
для встречи немного и нужно.
Тем, что вместе они.
Тем, что рады они.
Что еще не прошло
ощущение дружбы
и что можно
заставить попятиться
дни.
Тем, что выдался
этот прекраснейший повод.
Что исколоты пальцы.
И губы горят.
Что обиды они друг на друга
не помнят.
И возвышенно о пустяках говорят.
Тем, что здесь они заняты
делом достойным.
Что еще не нахлынула
пьяная грусть...
И витает
над их долгожданным застольем
смачный,
яростный, неподражаемый хруст!
И галдят
и смеются они беспричинно.
И лежит перед ними на блюде
зверье...
И покорно взирает
большая рачиха
на ближайшее будущее свое.

ДОМИК ПЕТРА ПЕРВОГО В СААРДЕМЕ

В этом домике укачивает,
как на корабле.
Даже сильных здесь подташнивает,
слабых —
долу клонит.
Переплет пудовой книги
на малюсеньком столе.
В этом доме жил когда-то Петр Алексеев.
Плотник...

Так случается с царями.
Свой у каждого каприз:
юный герцог Вюртембергский вышивал
по шелку чисто.
Обучался танцам кесарь,
логике — испанский принц.
Плотник Петр Алексеев
строить корабли
учился.
Эта местность
по масштабу
для него была мелка.
Все казалось здесь игрушечным —
и удаль
и раздолье.
Не хватало глазу
неба.
И земли для сапога.
Было детским топорище
для его большой ладони...
На старинных верфях пахло
морем, тесом и смолой.
А вокруг стояла публика,
на плотника глазея.
Это было так потешно:
царь
орудует пилой!

Так забавно:
царь — и нате! —
с матросней курит зелье.
Одобрительно кивали головами лоцмана...
А под вечер,
а под вечер, захмелев от
третьей чарки,
подтверждала
забулдыжная, портовая шпана:
плотник Петр Алексеев
любит угощать
по-царски!

Над кабацкими столами
ходуном ходил туман.
С русским бешеным детиной
было ссориться опасно.

ШИРОТЫ

Хохоча,
во время танцев
так девиц он обнимал,
словно выдавить хотел их из корсетов,
будто пасту!..
И опять наутро вкалывал на солнце
молодом!
Злился,
ежели от мастера за дело попадало...
Это будет позже, после.
Это будет все
потом —
и конфузия под Нарвой
и победная Полтава.
Это после встанет город,
задевая облака,
над Невою
на останках слепенькой чухонской мызы.
Это будет позже.
Будет
непременно!
А пока
на спине державной,
царской
каменно бугрятся мышцы.
По плечам царя струится и блестит
мужицкий пот.
И глядят на это диво
саардемские разини....
Ах, как распахнется после
непотешный русский флот!
Поплывет по океанам
непотешная Россия!
Наплевав на все наветы,
утвердится на земле.
С тысячью смертями знаясь.
С тысячью штормами споря...
В этом домике
укачивает, как на корабле.
И войти в него сегодня —
все равно что выйти в море.

* * *

Струя ручья
пронзит глухие чащи.
В траве прошелестит
струя змеи.
Из проволоки —
твердой и блестящей —
нарезаны
лесные муравьи.
Есть капельки росы.
Предметы леса.
Подробности
кленового листка.
Отставшие от гулкого прогресса.
Глядящие на нас издалека...
А я все рвусь
за горизонт упругий,
за горы,
океаны
и года.
Совсем забыв о том, что близоруким
обязан быть.
Хотя бы иногда.

* * *

Океана дымчатая синь.
Утреннего солнца торжество...
С вышки минарета
муэдзин
накричал
на бога своего...
Молится и Запад и Восток.
Мир спешит
узнать свою судьбу.
Люди верят
в странные табу,
в дьявола
и завтрашний потоп.
Верят знахарям и колдунам,
гороскопам
и святой воде,
наговорам
и нелепым снам,
лешему
и синей бороде.
Люди исступленно смотрят вверх —
в небо
без границ и берегов.
Тысячи
разнообразных вер!
Тьма
разнокалиберных богов!..
Впрочем,
есть у мира с неких пор
для объединения людей
летняя религия —
футбол,
зимняя религия —
хоккей.

НАДПИСЬ

С пересудами не знаясь,
их заранее терпя,
на стене
сияла надпись:
«Элка,
я люблю тебя!..»
В ней была и боль и жадность.
В ней
торжественность была.
И сама стена,
казалось,
от волнения
росла...
Уважаемая Элка,
в центре города Москвы
во дворе
грохочет эхо.
Виноваты в этом
вы.
Не видал я вас ни разу,
только
с вами наравне
автора
великой фразы
одобряю я вполне.
Славлю буковки живые,
принимаю целиком...
Ведь сегодня он —
впервые! —
сформулировал закон.
Самый четкий,
самый добрый,
на века и времена.
Вывел формулу,
в которой
жизнь людей заключена.
Написал ее просторно
вам,
и больше никому.
Пусть
Эйнштейны и Ньютоны
позавидуют ему!..
Я хочу,
чтоб этот сполох,
я хочу,
чтоб этот свет
вдруг увидел археолог
через много
тысяч
лет!..
Двор,
кипящий, будто Этна,
в синих сумерках увяз...
Вы ответьте парню,
Элка.
Элка,
умоляю вас!

ИСКУССТВО СЛОВА

Кто из нас не читал «Тихий Дон» М. Шолохова... Но вот выходит на сцену Марина Лобода и начинает рассказ о горькой любви Аксиньи и Григория Мелехова, и сочная, ядреная шолоховская фраза словно обретает новую объемность, многоцветие живой жизни... Видишь, как смотрит Аксинья на своего ненаглядного Гришеньку, — трепетно, с боязнью потерять любимого; как круто ломается упрямая Гришкина бровь.

Искусство художественного слова — искусство древнее. Но и до сих пор сохраняет оно свою притягательность, самобытность, занимая особое место в ряду других искусств.

Руководитель мастерской художественного слова Москонцерта В. И. Зубкова рассказывает о творчестве чтецов-декламаторов, объединенных в этом коллективе. Здесь сто двадцать артистов, талантливых и разных. Если сложить, собрать вместе их программы — составится огромный репертуар! С некоторыми из этих программ мы познакомились в концертном зале Дома журналистов. Вот Виктор Егоров исполняет литературную композицию «Точка моей опоры» — это рассказ о судьбе рабочего, о родной его бригаде...

В композиции есть такой эпизод: у одного из героев, слесаря Пушки, умирает жена; теперь он остается на свете вдвоем с сыном... Как же слушали Егорова, когда выступал он перед ивановскими ткачихами! Всем сердцем откликнулись они, сострадая близкому, понятному человеческому горю.

А сейчас пушкинское слово... «Граф Нулин»... В интересном исполнении Ларисы Борисенко и Олега Воскресенского поэма предстала «маленькой комедией» с элементами буффонады и мюзикла.

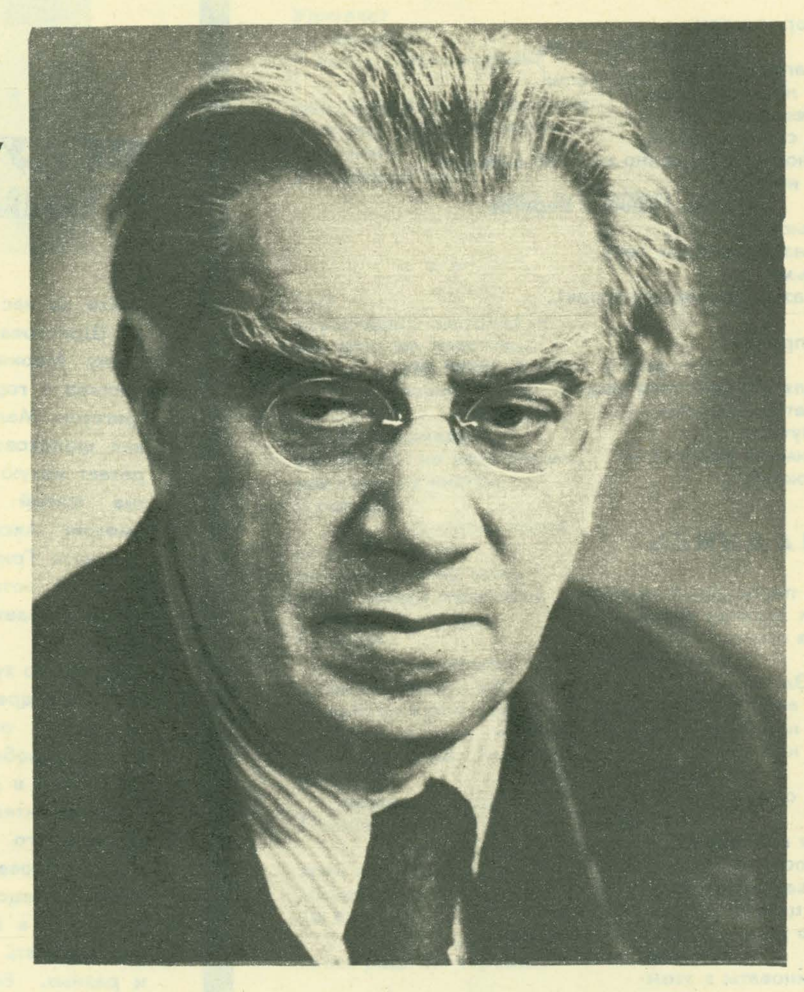
Да, это настоящий праздник в мастерской слова, когда звучат стихи Пушкина, Луговского, Гамзатова, рассказы Дорошевича, Липатова, Шукшина...

Интересную творческую работу ведет мастерская.

В. ВАРЖАПЕТЯН

МУЗЫКА ОБРАЗОВ

Раиса СТРУЧКОВА, народная артистка СССР



К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Р. М. ГЛИЭРА

Конечно, профессия накладывает отпечаток на весь строй нашего восприятия окружающего мира, людей, искусства... И, может быть, поэтому для меня, балерины, музыка Рейнгольда Морицевича Глиэра, народного артиста СССР, лауреата Государственных премий, всегда как бы овеществляется в потоке движений. Слушаешь его концерты для арфы, для голоса, симфонии, увертюры и ловишь себя на том, что почти неосознанно, еще не выделяя отдельные па, мысленно танцуешь эту мелодию.

Секрет такого воздействия, однако же, заключен не в индивидуальности слушателя, а в особенности таланта композитора. В бесценной, на мой взгляд, для художника особенности дарования.

Музыка Глиэра — это всегда глубокая мысль, бесконечное богатство ритмов и мелодий, настроений, красок. Но они не существуют сами по себе, не сплетаются в причудливой, орнаментальной «красивости». У Глиэра все подчинено звуковому воплощению идеи, ярких и живых образов.

Наверное, не случайно Рейнгольд Морицевич так любил писать для сцены — сочинял оперы, балеты... Я хорошо знаю два из шести балетов Глиэра: «Красный цветок» и «Медный всадник»,— и даже только эти две партитуры позволяют увидеть масштабность композитора. Два балета — два совершенно разных музыкальных пласта. Но в обоих огромная эмоциональная нагрузка, драматическая насыщенность зиждутся на доскональном знании конкретной исторической, национальной, литературной основы.

«Красный мак» был первым советским балетом, где зритель увидел своих современников, свое героическое, новое Время... Я впервые вышла на сцену Большого театра в партии китайской танцовщицы Тао Хоа через двадцать с лишним лет после премьеры балета, состоявшейся в 1927 году. Помню, как, все глубже вживаясь в музыку Глиэра, я будто становилась еще и очевидцем тех первых, незабываемых десятилетий жизни нашей страны — полнее, «осязаемее» начинала понимать самую ее атмосферу.

Социальная конкретность музыкальных характеристик главных героев — советского капитана, китайской танцовщицы, богача-хозяина — выписана остро и четко. В музыке живут два мира: героический, борющийся трудовой народ и умирающий клан угнетателей; ясные, открытые и смелые мелодии, народные ритмы, «Интернационал» и задорное матросское «Яблочко» с беспощадной решимостью противостоят музыкальному решению образов врага, подчеркнутым ее диссонансам, надломленным ритмам...

И — пушкинский «Медный всадник»... Музыка, где все — русское: мощь патриотизма, задушевная лирика любви двух простых, «маленьких» людей — жизнеутверждающий пафос величия, которое, сочувствуя трагедии малого, поднимается над нею...

Я очень люблю партию Параши. В музыке Глиэра, в хореографии Захарова заложено столько теплоты и лиризма, что каждый спектакль давал возможность еще больше «оживить» героиню, наделить ее какой-то новой черточкой.

«Медный всадник» непосредственно познакомил меня не только с творчеством Глиэра, но и с ним самим. Случилось так, что совсем еще неопытную балерину, лишь недавно окончившую училище, на сцену вывели буквально за несколько дней до второй премьеры. «Порядок» партии я знала, но войти в уже готовый спектакль, сыграть, а не просто станцевать Парашу, да еще в премьерном представлении,— конечно, это трудно. Помогали мне, конечно, все: и постановщик Р. В. Захаров, и дирижер Ю. Ф. Файер, и мой неизменный репетитор Т. П. Никитина. Но особенно трогало то, как переживал за меня Рейнгольд Морицевич: он не покидал ни одной репетиции. В перерывах спокойно, с подчеркнутой уверенностью в том, что я все понимаю, излагал мне свое видение эпизодов... Он будто вел меня за руку, показывая путь от музыки к пластике — бережно, терпеливо и мягко, но целеустремленно.

В то время Глиэр, удостоенный множества наград и званий, был уже метром, но ни годы, ни почести не отнимали у него человечности. Объяснял, советовал он так убедительно, с таким пониманием общей сценической задачи, что не согласиться с ним было невозможно!.. Рейнгольд Морицевич не умел «сдать клавир» и ждать премьеры. Во время работы над спектаклем он, казалось, жил в театре: его волновало все: и хореография, и декорации, и свет, и звучание оркестра... И, конечно же, то, как исполнители воплощают образы. Огромная эрудиция давала ему возможность видеть и детали и целое. Вся труппа знала, как высока вежливая требовательность Глиэра, и поэтому, когда нам что-то удавалось сделать действительно в полную меру сил,— похвала, а то и просто одобряющая улыбка композитора были дорогой наградой для артистов.

В сборнике статей Сергея Сергеевича Прокофьева есть небольшая заметка, написанная им еще в 1940 году для газет «Вечерняя Москва» и «Советское искусство». Называется она «Мой педагог» и посвящена Р. М. Глиэру. Там есть такие слова: «Он, как тонкий педагог, умел проникнуть в душу своего ученика. Он не навязывал сухую материю, которую ученику, может, и надо было знать, но которую последний еще не был расположен принять. Глиэр умел угадывать интересы своего питомца и старался расширить их в нужном направлении». Могу добавить, что дарование Глиэра-педагога испытали на себе не только музыканты, но и танцовщики, и оркестранты, и хореографы-постановщики — все, с кем судьба сводила этого прекрасного человека.

До преклонных лет композитор сохранял драгоценное для художника качество — умение «загораться». Это было молодо и прекрасно. Я никогда не забуду, как после генеральной репетиции его авторского концерта в Ленинграде (исполнялись фрагменты из балетов Глиэра и «Этюд», поставленный А. Лапаури) мы пришли к нему в номер. Рейнгольд Морицевич одобрил хореографию «Этюда» и, услышав наши сетования на то, что нет оркестровки мелодии, тут же встал и сказал: «Оркестровка будет». Сел за стол и поздним вечером, после утомительных часов дирижирования, начал работать. А мы, артисты, и его дочь Нина Рейнгольдовна сидели, не смея шелохнуться: будто сами стали участниками этого творческого «запала»...

Не помню, в котором часу ночи Рейнгольд Морицевич протянул нам листы с черновой записью оркестровки этюда... Сегодня его знают в тридцати шести странах... Совсем недавно, приехав после восьмилетнего перерыва на гастроли в Манилу, я услышала от служащего аэропорта, проверявшего паспорта нашей труппы: «Здравствуйте, мадам. «Этюд» Глиэр?»

...Рейнгольд Морицевич прожил долгую и счастливую жизнь. Счастливую, потому что и сегодня мы встречаемся с ним в музыке. Мы вспоминаем его балеты, оперы — «Шахсенем», «Лейли и Меджнун», «Гюльсара», сыгравшие огромную роль в становлении национальной музыкальной культуры Азербайджана и Узбекистана; слушаем его симфонии и камерную музыку... Все это осталось, как дар композитора самой жизни.

Помните величественную и гордую мелодию, которая звучит в первые же минуты вашего пребывания в Ленинграде?.. Этот гимн великому городу Глиэр написал для балета «Медный всадник». Но мелодия вышла за рамки театра, став музыкальным символом прекрасного города. Символом любви и признательности большого художника своей Родине.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. А. СМИРНОВА

ОДНАЖДЫ И НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Василий Александрович Смирнов, чья прочная и добрая слава живет в сердцах его многочисленных читателей, родился в русской деревне в тревожном и бурном тысяча девятьсот пятом году, а в двадцатом вступил в комсомол. Не из книг, а из собственной жизни своей и родного села узнал он, чем была для труженика-крестьянина Великая Октябрьская социалистическая революция. Однажды, прямо из детства, шагнул он в ряды строителей нового мира, открыл его для себя и остался верным его живописцем и певцом на всю жизнь.

О революции, о том, какая была она, вдохновенно писали, пишут и будут писать. В ряду художников, обращающихся к этой благодарной теме, у Василия Смирнова есть незыблемое место. Уже сорок долгих лет он рассказывает о том, каким был русский крестьянин в пору Великой Октябрьской революции. Когда бы и где бы ни был В. Смирнов — журналистом в родных верхневолжских краях, офицером Советской Армии на войне, секретарем правления Союза писателей СССР или главным редактором журнала «Дружба народов»,— нигде и никогда не расставался он с мыслью о своем герое, его трудной и счастливой судьбе.

Наследуя традиции русской классики, рисует В. Смирнов в своей, ныне уже трехтомной эпопее «Открытие мира» мир русского села и в его глухую предреволюционную пору, и в тяжкие годы первой мировой войны, и в пронизанные свежим дыханием грядущей свободы дни революции. Не идиотизм деревенской жизни привлекает художника в образе русского мужика, не стихийность его мыслей, чувств и поступков (хотя и это все имеет место в смирновской деревне),— писатель глубоко и проникновенно видит и рисует то светлое, мудрое, что искони живет в душе сельского труженика.

В. А. Смирнов показывает всю тонкость натуры русского крестьянина, его творческий ум и природный интеллект, приглушаемый, но не задавленный веками крепостного рабства и капиталистического гнета. Незамутненная радость детства, стремление к знанию и поэзия его постижения, приобщение к сознательной гражданственности и всепобеждающий труд, верность родной земле и яркое ощущение его многоцветной красы — из всего этого и создается основа революционного характера нового крестьянина, отважно и настойчиво идущего к цели вслед за старшим по социальному опыту братом-рабочим.

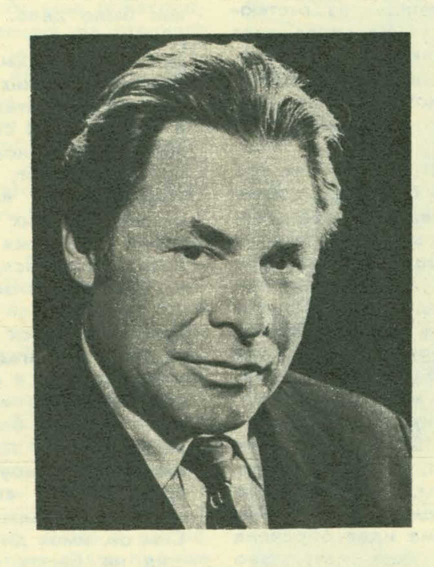
Свое семидесятилетие Василий Смирнов встречает новой книгой из цикла «Открытие мира», носящей название «Красное лето». В ней его главный герой — подросток Шурка, несущий в своем характере отчетливо выраженные автобиографические черты самого В. Смирнова, уже стоит на пороге комсомола.

Счастливого им пути, герою книги и его творцу-писателю. Пусть идут вместе с вами, Василий Александрович, творческий успех и рабочее счастье!

З. КЕДРИНА

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЕВГЕНИЯ НОСОВА

ВЕТЕР С ПОЛУДНЯ



...В июльский безветренный полдень, когда на бездонной голубизне неба одинокие, неподвижные облака кажутся потерянными птичьей стаей перышками, с высокого берега Тускари, где расположен исторически сложившийся центр Курска, видна и голубая лента Сейма, и полоса лесов на горизонте, и небольшое село Толмачево. Старинный парк, несколько десятков домов, луга, усыпанные прожорливым утиным племенем, колокольня, будто выстрелившая в небо. Здесь родился, здесь вырос прекрасный художник, подлинный мастер русской советской новеллистики Евгений Иванович Носов.

«Помню, как ходил с дедом в ночное: сизо-туманный луг, блекло, призрачно мерцающий под луной росными травами, темные силуэты коней, скрип коростеля, кизячный костерок, булькающий кулешом, уютное тепло старого полушубка, которым меня, полусонного, дедушка накрывал в студеном предрассветье»,— вспоминает писатель (с редкой памятливостью на детали, подробности) эти далекие впечатления детства.

Далекие, милые были! Все мы в известной мере живем... на содержании собственной юности! Позднее Е. И. Носов узнает и завод, где работал кузнецом его отец, потомственный мастеровой, а в 1943 году, восемнадцатилетним юношей, пойдет он на фронт с первой же созданной после освобождения Курска маршевой ротой. В боях под Кенигсбергом он будет тяжело ранен... Но во всех его произведениях — от лирической повести «Моя Джомолунгма», новеллы «Белый гусь» до эпических по внутреннему драматизму новелл «Красное вино победы» и «Шопен, соната № 2» — сохранится при всей достоверности суровых эпизодов войны удивительная чистота, стыдливая скромность первой любви к родной земле, к людям, труду, редкая прочность словесных красок.

Евгений Носов — один из тех писателей, которые умеют поэтично, доверительно и с необычайным «даром разумения» писать о среднерусской, открытой всем ветрам равнине, где нет экзотики, где только «синь сосет глаза» да простор завораживает, тревожит память. Школьница Варька, пасущая уток в колхозе («Варька»), Пелагея и Дуняшка, идущие в город за долгожданной обновкой («Шуба»), областная выставка — эти будни среднерусской равнины очень поэтичны у Носова.

«Сенокос же кипит своим чередом... Выпростаны из штанов рубахи, чтоб обдувало, мокры и темны сатиновые и ситцевые спины, багровы лица под выгоревшими картузами и кепками, виски влажно лоснятся, а косари все ступают и ступают рядами, нога в ногу, замах в замах: так спорей и легче, чем вразнобой. Ярко сверкнет сразу дюжина кос над травами, переступит сразу дюжина сапог, на одно мгновение задержатся, повиснут в воздухе косы и тотчас снова с шелестящим певучим звоном все разом нырнут в зеленую глубину. Будто узкие белые рыбы играют, выплескиваются над волнами... Свежие валки истекают соком, терпко млеют от зноя, и тянет по всему поречью сладким настоем увядания».

Кажется, и сам ветер с полудня, что обдувает спины косцов, ощутим здесь, и ломающиеся в тени берез лучи полуденного солнца, и заманчивая хрустальная теплынь недалекой речки в низких луговых берегах! Все лучшие произведения Евгения Носова — среди них следует назвать рассказы и повести «За долами, за лесами», «Объездчик», «Во субботу, день ненастный...», «Шуба», «Пятый день осенней выставки», «Не имей десять рублей», «И уплывают пароходы, и остаются берега» — отмечены этой емкостью описаний, почти живописной очевидностью словесных красок.

Он рассказывает и о незаметном подвиге рядового войны Копешкина («Красное вино победы»), скончавшегося от ран в День Победы, и о матери, не дождавшейся ни одного из сыновей, сложивших головы на полях освобожденной ими Европы («Шопен, соната № 2»). Как-то органично воспринял писатель уроки живописи, ее «безмолвную» выразительность. Но в этой доверительной, интимной близости, не переходящей в размашистое панибратство с тем великим, что было в народной истории, огромная возвышающая сила этих «тихих» новелл. Все здесь настоящее, «взаправдашнее»!

Верится, что и в будущем чудесный дар Евгения Носова, певца своей родной земли, создателя целой галереи характеров — солдат, пахарей, молодых современников, еще не раз будет сверкать, радуя читателей, в новых произведениях.

В. ЧАЛМАЕВ

СЕРЕД

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей записки рабочего человека, Владимира Александровича Козырина. Он начинал свою трудовую деятельность на «Ростсельмаше». Окончил педагогический институт. И снова вернулся на этот же завод мастером. Потом работал мастером на Московском заводе имени Лихачева. Публикуемые заметки ставят на обсуждение читателей некоторые проблемы социалистического соревнования в промышленности.

В. КОЗЫРИН

На одном московском заводе был у меня разговор.

— Он молодец, — похвалил мастер рабочего. — Норму всегда выполняет на сто четыре — сто пять процентов. Если бы все на этом уровне...

Я поинтересовался, давно ли он так работает. Оказывается, с 1968 года. Несколько лет сидит на этих ста четырех процентах.

— И что же, вы считаете это хорошо? — спросил я мастера.

— Неплохо. Вперед не высовывается, но свою норму делает добротно.

— А вы не думаете, что эта норма давно устарела?

Нормировщик, когда мы обратились к нему, подтвердил мое предположение.

Пример этот типичен для так называемого середняка. Поясню свою мысль. Мы хвалим передовиков, пишем о них в газетах. Пусть учатся другие! Мы ругаем отстающих. На их примере. Не плетись в хвосте! Постарайся догнать правофланговых! Однако соревнование, если ведется оно не формально, предполагает работу и со всеми остальными, с главной массой людей, идущих на среднем уровне. Таких ведь большинство! Плана они не срывают, брака не допускают, нарушений дисциплины с их стороны нет. Никого вроде бы они не тревожат, и никто их и не замечает. Не замечают, что годами сидят они на месте, на точке замерзания. Десятилетиями. И это заставляет о многом подумать. Экономисты недаром называют середняков «миной замедленного действия». Чтобы растормошить середняка, требуется много сил, творческого огонька, нужны поиски, и далеко не все мастера способны на такое. Процесс этот длительный, сложный и не только в технологическом отношении, но и в психологическом. Вот как он протекал в хорошо знакомой мне бригаде Вячеслава Пуликова.

Пуликов работает на Московском автозаводе имени Ленинского комсомола, в ремонтно-механическом цехе. Участок нестандартного оборудования. Похож на все подобные участки ремонтных цехов: справа фрезерные и токарные, карусельные и револьверные станки, в углу искрят голубыми молниями сварщики, в центре, у верстаков, за тисками — слесари из бригады Пуликова. Станочники, сварщики и слесари взаимно зависимы друг от друга. Работа у них соответствует названию участка — нестандартная. Каждый раз новая: то автоматическая линия для кузовного цеха, то серия приспособлений, то подвески для конвейеров. Единой нормы здесь не существует.

Весь участок работал вроде бы неплохо. Задания отдела главного механика завода и заказы цехов выполнялись, и никто серьезных претензий не имел. И вот в таких условиях, отличных от обычного производственного цеха с массовой продукцией, Пуликов задумал вывести свою бригаду в передовые. Отстающей она никогда не была, однако и среди запевал соревнования не числилась. Пошел он к своему начальству советоваться. Против никто не был, но и поддержки особой не получил. Наоборот, после смены один мастер язвительно бросил: «Чего ты высовываешься? Получает бригада хорошо, премия всегда приличная. Или, может, тебе славы хочется, в президиум тянет?»

Шел Пуликов домой в раздумье. Попробовал бы кто-нибудь его не поддержать, если б он пришел со своим предложением из отстающей бригады! Тут, наверное, всех бы на ноги подняли, всех, как говорят, «подключили бы к делу». Но о бригаде, которая сама стоит на ногах, вроде нет причины беспокоиться...

С недоверием встретили его идею и в самой бригаде. Особенно те, кто работал тут более десяти лет, у которых, как говорил бригадир, выработался «середняцкий стереотип». «Кончай, начальник, — бросил один из них. — Мы из-за тебя пупок рвать не хотим». «Верно! Как работали, так и будем работать! А кто хочет выслуживаться — пусть ищет другое место!» — поддакнул другой.

Кто работал бригадиром или мастером, знает, как это тяжко, если тебя не поддержат в чем-то твои же товарищи по работе. Мало того, что сама идея обречена на провал, тут еще начальство обвинит в «неумении найти контакт с людьми», в «отсутствии воспитательной работы среди коллектива», в «нежелании жить интересами своей бригады...» Бригадир это отлично понимал. И все же коммунист Пуликов решил стоять на своем.

Были споры. Горячие, жаркие споры. Бригадир выступил на партсобрании и рассказал, что если ему удастся повысить производительность труда хотя бы на три процента, то и это уже даст прибыль в несколько сот рублей для всей бригады. А ведь начинание можно распространить и шире... Коммунисты цеха поддержали энергичного и напористого бригадира. Поддержал и старший мастер участка Владимир Александрович Сазыкин. А в самой бригаде все еще шли «бои» далеко не местного значения! Кое-кто настаивал: «будешь «давить» — подадим заявление на расчет. Нас оставят, а тебя уберут. Нечего вводить свои порядки».

И тогда бригадир решил действовать другим путем. Однажды случилось такое: разрезали железо, а сварщика не оказалось, — он на участке один на три бригады, его всегда приходилось ждать. Четверо рабочих по привычке сели забивать «козла»: к чему, мол, волноваться, заплатят по средней. А бригадир не согласился: «Сидеть без дела не будем. Я начинаю с сегодняшнего дня варить сам, а вы размечайте, заготавливайте железо для следующего заказа».

Взяв щиток и электроды, он начал варить каркасы. Люди нехотя, но пошли. Бригадир назначил среди них старшим слесаря Николая Щуплова, человека, который с самого начала поддержал его. Впервые рабочие во время вынужденного простоя не сидели без дела.

На другой день Пуликова вызвали в цехком. «Вы почему себя так ведете? Грубите, следите за каждым шагом, не даете даже перекурить... Смотрите, Вячеслав Сергеевич, мы рабочих в обиду не дадим». Пуликов рассказал, как было дело. «Не надо мудрить, — сказали ему. — Люди уйдут из бригады. Где возьмешь опытных рабочих?»

И тогда бригадир снова пошел в партбюро. И снова его поддержали. Партийному бюро ясно: бригадир строг, но не грубит, требователен, но и заботлив. А насчет опытных рабочих — демагогия. И с двумя рабочими пришлось расстаться, — они действительно подали заявление об уходе. Их перевели в другую бригаду. Что касается остальных, то они указания бригадира начали выполнять.

А бригадир «наращивал темпы»: перенес ближе к рабочему месту участок заготовок, который находился в другом конце цеха, призвал всех своих товарищей осваивать смежные профессии. Сам он, имея диплом техника, решил не бегать, как прежде, за каждым пустяком для уточнения к конструкторам, технологам и механикам, — отважился взять эти функции на себя, были бы чертежи! И доказал, что справится: по чертежам собрал с бригадой сложную автоматическую линию. Да так собрал, что специалист по металлоконструкциям заметил: «Ну, мне теперь делать тут больше нечего». Линию эту сделали за 20 дней, а раньше на такую работу уходило не меньше месяца.

Но люди все еще сдержанно поглядывали на бригадира, присматривались. Окончательно сомнения рассеяла первая получка: каждый заработал на 25—30 рублей больше обычного.

На следующий день после получки к бригадиру подошел Виктор Мещеряков:

— Слава, я хочу поступить на курсы для освоения профессии газорезчика и сварщика.

Бригадир улыбнулся:

— Что, дошло? Материальный стимул...

— Дело не в деньгах, бригадир, — подал голос Валентин Серегин. — Надоело ждать, пока кто-то сварит да разрежет. Я считаю, ты правильно поступил, загрузив бригаду работой.

Следующий шаг — рационализация. Без смекалки, выдумки, поисков резервов все равно рано или поздно снова станешь «середняком». Но и в нее, в рационализацию, не сразу поверили.

— Какие из нас новаторы? — усмехнулся Михаил Титов. — У тебя талант к этому делу, а мы что...

— Это ты зря, Титов. Зря! Поверь мне. Был у меня лет двадцать назад наставник, Николай Семенович. «Каждый рабочий, — говорил он, — вместе с пропуском носит и жезл рационализатора». Ясно тебе?.. Конечно, Гудовым или, скажем, Бусыгиным быть дано не каждому, но хорошим цеховым рационализатором может стать при желании любой добросовестный рабочий.

Вскоре Пуликов создал комплексную бригаду рационализаторов и возглавил ее. Занятия проводил сам, давал задания. Както он предложил Титову продумать, нельзя ли уменьшить расход металла на валик линии, которую они делали. Через три дня Михаил явился к бригадиру со своими соображениями. Толковые! А потом Николай Щуплов, Валентин Серегин подключились.

Так был преодолен еще один психологический барьер. В результате бригада стала делать фрикционы привода прессов за 12 дней вместо 21, цистерны — за 14 дней вместо — 18. Словом, из группы середняков она выходила на рубеж передовых. За победу в соревновании по итогам года вручили им ценные подарки, в приказе Пуликову и всем членам бригады объявлена благодарность.

...С Пуликовым я встречался не раз. Мастеру с мастером всегда есть о чем поговорить. Однажды у нас зашел острый разговор: человек и техника в наши дни, в нашем обществе. И чтобы еще больше заострить тот разговор, я, прикинувшись несмышленышем, спросил:

— Кое-кто утверждает, что, призывая рабочих трудиться более интенсивно, мы, мастера, бригадиры, будто бы выжимаем из них все, что можно. А вы как считаете?

— Чепуха! Это только отсталый человек может так считать. Мы призываем увеличивать интенсивность труда не за счет мышц и сердца, а за счет смекалки, выдумки, освоения самой передовой техники. Вот вам пример. На соседнем участке работает слесарем парень. Оба мы точим ячейку цепи. Я делаю за это время примерно сорок движений, а он — свыше ста и в два раза больше затрачивает энергии. А продукции дает в два раза меньше. Задача в том и состоит, чтобы, уменьшив за-

НЯК

траты сил, увеличить производительность. Резервы для этого можно найти на каждом рабочем месте.

— А как же быть с так называемым «технологическим потолком», который, по мнению некоторых специалистов, не позволяет рабочему идти дальше определенного рубежа?

Пуликов, не задумываясь, ответил твердо:

— Нет и не может быть у думающего, ищущего человека «потолка». Труд новатора — труд творческий, а разве в творчестве может быть «потолок»?

Действительно, разве Пуликов не прав? Я вспомнил товарища по работе на ЗИЛе, бригадира кузнецов Владимира Сапожникова. Он тоже в свое время объявил войну «середняку» и привел всю бригаду к рекордам. А ведь именно ему пророчили: «Как бы вы не стремились выйти в передовые, все равно наступит момент, когда из молота ничего выжать больше нельзя будет. И тогда бригада опять же в серединке таблицы место займет». Сапожников блестяще опроверг все эти рассуждения. Вот как это было. Стал Сапожников 270 балок за смену делать. Молодцом, отлично! Ну, а дальше-то что? Это же предел. Дальше будет перегреваться штамп, обезуглероживаться сталь. А Сапожников не согласен. Вместе с инженерами и конструкторами он внедрил новый штамп из более крепкой стали. И тут же поставил рекорд — 300 балок. Было это как раз в день «красной субботы» — 22 апреля. Потом опять наступил очередной «потолок». Сапожников снова повел поиск — стали делать балку из другой стали, новой конфигурации. И снова в день рождения Владимира Ильича коммунист Сапожников устанавливает рекорд — 310 балок! Такой производительности еще никто не достигал.

Сапожников занялся вопросами качества. Здесь ведь тоже немалый резерв. И постепенно добился неслыханного — в девять раз снизились допустимые технологией нормы брака. Об этом говорили, как о чуде. Но я уверен — пройдет время, и Сапожников вновь что-нибудь откроет. Для себя и для всех.

Таких историй я знаю много. Они говорят о том, что для рабочего ищущего нет и не может быть «потолка», который бы ограничил деятельность человека и сделал бы его придатком машин и механизмов. Только люди недалекие, не желающие беспокоить себя поисками, пытаются доказать, что резервы исчерпаны.

Умелые руководители — бригадиры, мастера, начальники смен идут еще дальше: стремятся убрать с пути те организационные, действительно не зависящие от самого рабочего помехи, которые вызывают застой. Вернусь к тому же Пуликову.

Встретился я с ним как-то. Он шел хмурый. «Опять, наверно, кто-то ставит палки в колеса», — подумал я. Разговорились. Оказывается, он поспорил в отделе снабжения с ответственными товарищами, которые бесхозяйственно относятся к государственной копейке.

— Смотрите, что получается. Они мне заказали сделать линию. Я ее сделаю через двадцать дней. А электромоторы для этой линии обещают дать не раньше, как через полтора месяца. И выходит, что линия будет без дела целый месяц. Мертвый капитал! И место занимает у нас. Но ведь мы же можем что-нибудь другое производить, чтоб сразу в дело пустить. А снабженец смеется: «Дескать, не умничай и не суйся не в свое дело, тебе, мол, средний платят. Премию дадим и в заработке не потеряешь». Я ему сказал все, что думал по этому поводу. Если бы это были его денежки, а не государственные, он бы иную позицию занял. Не люблю жаловаться, но я это так не оставлю — пойду в комиссию народного контроля и в партком. Это же варварство!

Я хотел с ним еще побеседовать, но он спешил на стадион:

— Сегодня мы нормы ГТО сдаем. Это нам надо не для значка, а для пользы дела: работается лучше. И потом я заметил, что люди после спортивных соревнований азартнее соревнуются на участке. А я в этом месяце никак не хочу уступать первенства...

Неисчерпаем в своей изобретательности он, Вячеслав Сергеевич Пуликов! Повезло его бригаде, его участку нестандартного оборудования, что есть у них такой непоседливый руководитель, который всегда в поиске. Побольше бы таких бригадиров, и середняцкая прослойка исчезла бы в цехах. А бытует она не только в промышленности. Середняков можно встретить где угодно — и в учреждении, и на стройке, и в колхозе, совхозе. Даже в школе. Не так ли? Учителя видят прежде всего двоечников и пятерочников. Троечник, а тем более тот, кто учится на «хорошо», выпадает из поля зрения. А ведь многие из них могли бы учиться гораздо лучше, но еще на школьной скамье привыкли трудиться вполсилы. Лишь бы не быть в отстающих. Вот где истоки психологии середняка.

В этой статье я коснулся лишь тех проблем, которые особо близки мне, которые наблюдал и у себя на заводе и на предприятиях, где приходилось бывать. Было бы интересно, если бы читатели поделились своими наблюдениями: как подтянуть середняка на более высокую ступень? А подтянуть его очень важно. Если каждый рабочий поднимет производительность своего труда хотя бы на 1—2 процента, то в масштабах страны это даст дополнительные десятки, а то и сотни миллиардов рублей прибыли.

Обычный рабочий день. Н. Щуплов, В. Пуликов и А. Суков обсуждают в деталях предстоящее задание.

Фото Г. Макарова.

НЕ УВЕРЕН — НЕ ОБЕЩАЙ!

Г. ДРЕНОВСКАЯ, В. ПРИВАЛЬСКИЙ

Этот совет столь же тривиален, сколь общеизвестное автодорожное «Не уверен — не обгоняй!». Обещать людям что-нибудь, чего исполнить заведомо не можешь, строить воздушные замки, да еще на песке, нельзя: это квалифицируется как беззастенчивый обман, очковтирательство, которое, увы, еще не наказуется в уголовном порядке.

Скажем, заказали вы в ателье костюм или платье, в квитанции указаны и сроки примерки и дата изготовления. А придя в назначенный срок, обнаруживаете, что за ваш индпошив еще и не брались, в этом аспекте, так сказать, еще и конь не валялся. Вы, естественно, подступаете к приемщице со справедливыми укорами, требуете заведующего, а вслед за ним книгу жалоб, которую вам, положим, не дадут, но зубы заговорят:

— Вы что, гражданин (ка)! Прямо как дитя малое. Где ж это видано, чтоб костюм или платье за месяц сшить?

— А зачем обещали?

— Мало ли что! Надо же в квитанции какой-никакой срок указать!

Вы еще долго будете обивать пороги, возмущаться, жаловаться. И никто не привлечет ответчиков по статье «Не уверен — не обещай!».

Но это, так сказать, случай индивидуальный, когда в обман введена одна пострадавшая единица. Хотя и его, индивидуального заказчика, застройщика, покупателя, клиента и прочее не следует вводить в заблуждение.

В общем, хочется напомнить кое-кому старую прописную истину: «Не дав слова — крепись, а давши — держись».

За сим приступаем к обозрению конкретных случаев.

* * *

Перед нами рекламное издание «Для вас, черниговцы!», подготовленное Черниговским облбытуправлением. На обложке — всякие заманчивые, хотя и несколько загадочные картинки. Впрочем, при ближайшем рассмотрении можно догадаться, что, например, квадратик с треугольной нашлепкой изображает не то дом, не то дачу, а скорее всего хату. По-видимому, сия эмблема — фирменная марка строительного или ремонтного заведения. Так и есть! На последней странице читаем такие строки: «На Черниговщине трудно найти семью, которая не обращалась бы к услугам службы быта. И одной из важнейших услуг, которые предлагает Черниговский сервис, является СТРОИТЕЛЬСТВО ЖИЛЬЯ. Множество добротных домов соорудили строители области, множество домов отремонтировали».

Строители службы быта предлагают населению немало и других услуг: «МАЛЯРНЫЕ РАБОТЫ, ОБЛИЦОВОЧНЫЕ РАБОТЫ, РЕМОНТ ЭЛЕКТРОПРОВОДКИ, ОБИВКУ ДВЕРЕЙ, РЕМОНТ ПОДСОБНЫХ ПОМЕЩЕНИЙ, ИЗГОТОВЛЕНИЕ ОКОН И ДВЕРЕЙ, САНТЕХНИЧЕСКИЕ РАБОТЫ». Далее следует адрес РСУ.

Мы приехали в РСУ и взяли наудачу заявление гражданки Г., которая просила произвести в ее доме: а) внутреннюю штукатурку, побелку и окраску; б) ремонт водопровода; в) окраску крыши дома и сарая; г) ремонт пола. На заявлении красовался штамп «Оплачено» и проставлена сумма за вызов техника-сметчика — 1 руб. 50 коп.

По адресу, указанному в заявлении, отыскали мы и дом, и его владелицу — престарелую гражданку Г. Из краткого опроса удалось узнать, что сметчик должен был прийти через три дня, но вот уже две недели, а его нет и нет.

Техник-сметчик В. В. Нестеренко, к которой мы обратились за разъяснениями, равнодушно пожала плечами.

Техник. А зачем мне туда ехать? Все равно таких ремонтных работ мы не делаем. (Тут она взяла в руки заявление гражданки Г. и принялась его комментировать.) Крышу покрасить! Это надо же! Да кому охота на крышу лезть! (И против пункта «в» она проставила твердой рукой резолюцию: «Не делаем».) Штукатурка? Нет штукатуров. (Соответственная резолюция.) Водопровод? Не ремонтируем! (Новая резолюция.) Пол починить? Это можно. Но... при условии наличия материала. Где достать доски? А это уже не наша забота. (Против пункта «г» появляется отметка: «При наличии материалов».)

Корреспонденты. А печь отремонтируете?

Техник. Нет печника.

Корреспонденты. Ванну плиткой облицуете?

Техник. Не делаем.

Корреспонденты. А что же вы в таком случае делаете?

Техник (несколько запальчиво). Надгробия! Можем и памятник на могилку. Хотите? (после паузы). Впрочем, принимаем заказы на строительство новых домов. А по мелочам... (Она пренебрежительно махнула рукой.)

Эту историю мы поведали главному инженеру участка Облбытремстройтреста В. Г. Бернадскому.

— Не может быть! — воскликнул он. — Мы все работы выполняем! Есть бригады отделочников, сантехников... Правда, предпочитаем новостройки. Ведь на ремонте плана не выполнишь, — доверительно сообщил он.

Однако, прогуливаясь по Чернигову, мы там и тут видели идущие полным ходом ремонтные работы. Даже крыши красили! Но делали все это отнюдь не бригады РСУ, а рядовые шабашники.

И тут мы вынуждены бросить упрек и даже подвергнуть укоризнам начальника Черниговского РСУ М. М. Левина, руководителя Черниговского облбытуправления В. Ф. Цыганок. Мы обвиняем вас, товарищи начальники, во-первых, в бесхозяйственности. Ведь деньги, которые лопатой гребут шабашники, должны были бы попасть в государственный карман! А, во-вторых, мы обвиняем вас в элементарном очковтирательстве: слишком наглядно расходятся ваши дела с вашими рекламными словами. И напоминаем вам прописную истину: «Не уверен — не обещай!»

...В ресторан «Десна», расположенный на центральной улице старинного городка Короп, Черниговской области, мы зашли в обеденное время. Нам подали меню, сверху которого шла надпись: «Сегодня работает бригада старшего повара тов. Л. Н. Синегуб». Что же предлагает местный Лукулл? В меню перечислено множество соблазнительных блюд. Однако оказалось, что ни хрустящих блинчиков, облитых сметаной, ни румяных сырников, ни капусты с мясом, ни поджарки нет. Даже стандартного гуляша и дежурных во всех общепитовских точках пельменей не оказалось.

— А что же есть?

— Борщ, биточки и чай с сахаром.

Пространное меню, напечатанное на папиросной бумаге, годилось разве что в качестве бумажной салфетки.

* * *

На афишных тумбах и стендах Гомеля красуются завлекательные анонсы: «Дорогие гомельчане, Бюро добрых услуг оказывает населению города 70 видов различных услуг». А в газете «Гомельская правда» мы прочли такую рекламу: «В помощь тем, кто ремонтирует квартиры! Сразу встает вопрос: где купить материалы? Вам помогут на выставках-продажах в магазинах №№ 14, 27, 34, 53».

Пробуем произвести элементарную проверку, для чего звоним в первый же из разрекламированных магазинов, в хозмаг № 14, тем более что он носит симпатичное название «Светлячок». Вот стенограмма состоявшегося диалога.

— Белила есть?

— Нет.

— Розовая краска?

— Нет.

— Голубая?

— Нет.

— Шпаклевка?

— Нет.

— А что же у вас есть?

Но на том конце трубка уже повешена, и в ответ слышатся частые гудки.

На стенах домов красуется реклама «Бюро бытовых услуг»: «Малярные работы. Обслуживание новоселов». Заходим в бюро. Тут стенограмма диалога такая:

— Вы рекламируете уборку квартир. Можно пригласить уборщицу?

— Так нету их!

— А матрас перетянуть?

— Так рабочих нету!

— А дыры в стене для гвоздей просверлить?

— Так некому!

— А «перестановка мебели в квартирах»?

— Нема.

В окне бюро красуется объявление: «Уход за больными и детьми». Спрашиваем:

— Можно пригласить няню?

— Это можно. Найдите няню, приведите сюда, а мы ее оформим и к вам направим.

— Может, рамы застеклите?

— И это можно. Мы выдадим вам стекло, а уж вставляйте сами.

Интересно, что скажет по этому поводу начальник Управления бытового обслуживания населения Гомельского облисполкома В. Г. Иванов?

— Да что вы?! — безмерно удивляется он. — Мы по одному только Гомелю оказываем свыше четырехсот видов услуг!

— Четырехсот? — переспрашиваем недоверчиво.

— Да, да, вы не ослышались! — И начальник начинает перечислять: пришить пуговицы к пиджаку — раз, пришить пуговицы к штанам — два, к платью — три, к пальто — четыре, к плащу — пять...

Мы уже вышли из кабинета, а вслед еще неслось перечисление пуговичных услуг.

* * *

Что же сказать в заключение?

Увы, ничего утешительного. Мы еще раз хотим напомнить отдельным очковтирателям и отдельным любителям много обещать и мало делать прописную истину:

НЕ УВЕРЕН — НЕ ОБЕЩАЙ!

К. Хюбнер. 1814—1879. СИЛЕЗСКИЕ ТКАЧИ. 1844. Галерея Г. Паффрайта. Дюссельдорф.

М. Либерман. 1847—1935. СБОР КАРТОФЕЛЯ. 1875. Художественный музей. Дюссельдорф.

Х. Тома. 1839—1924. ПЕНИЕ СРЕДИ ЗЕЛЕНИ.

Музей Нижней Саксонии. Ганновер.

Алексей ИОНОВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ЗАРЕВО НАД ДОНБАССОМ

VIII

К полудню семьей Русаковых овладело беспокойство. Никто не высказывал тревогу вслух, но она угадывалась в подавленных взглядах, скованных жестах, приглушенном звучании голосов.

Наталья, уединившись в «комнате молодых», села к столу Андрея, бесцельно и долго перебирала его чертежи, книги и всевозможные безделушки, всматривалась в его лицо на фотографии, сделанной кем-то из друзей еще в бытность Андрея студентом, и, наконец, обессилев, дала волю слезам.

Сколько ни строила она догадок о причине задержки Андрея, ни в одной из них не нашла успокоения. В сумраке предвечерья она подошла к окну и стала смотреть сквозь кружевную гардину на дворик. Там уже прорезались из земли зеленые ножи ирисов, набухли почки на кустах сирени, и Наташа с болью подумала о том, что в нынешнюю весну цветы не принесут никому отрады. Может быть, никто из Русаковых не доживет и до осени, когда на том вон абрикосовом дереве созреют плоды.

Ей особенно больно было сознавать, что Андрея она потеряла в тот час, когда после долгой размолвки он простил ей невольную, но трагическую оплошность, приласкал ее и нежно шепнул на прощанье: «Жди меня»...

Причиной их размолвки было событие, потрясшее семью Русаковых полгода назад, в канун падения Торецка.

Хмельные от первых побед, гитлеровские полчища нахлынули тогда в приазовские степи, и шахтерским краем овладела великая тревога. В Торецке началась спешная эвакуация институтов, промышленного оборудования, хлеба, товаров и архивов. Ночами по узким булыжным улицам сновали с погашенными фарами крытые грузовые автомобили. Рабочий город лихорадило в предчувствии чего-то неизбежного и грозного.

Хлеборобы в брезентовых дождевиках, с угрюмыми, запыленными лицами, нарушая былые запреты, гнали через город стада коров и овец. Необычен и жалок был вид животных, бредущих по мостовой. В натужном бычьем реве слышалась безысходная тоска.

На городских окраинах, в шахтных и заводских поселках эвакуируемые из Приднепровья сельские активисты кротко просились на недолгий постой.

— Чи нэ знайдэться якый-нэбудь овэчий куточек для бэздомных сыротынок?— спрашивали они хозяина или хозяйку, мешая просьбу с горькой шуткой.— Як казав той бидолага: «Тьотю, чи нэ дастэ мэни водыци, бо дуже исты хочу?»

Они вносили в жилье запахи сена, дегтя, сыромятной кожи, махорки. Развязав лантух, наскоро вечеряли хлебом и салом, и, кинув на пол мятую, всю в остях овсюга, одёжу, валились на нее, чтоб мгновенно забыться мертвецким сном. Проснувшись по деревенской привычке чуть свет, они снова торопились в путь-дорогу, так как отзвуки орудийной канонады докатывались уже до Торецка.

В первые дни войны радиоприемники у населения были реквизированы, газеты, особенно в захолустные хутора и поселки, попадали с опозданием, и люди ничего не знали о положении на фронте.

В поселке Берестовка каждый день возникали слухи, один другого невероятнее, противоречивее и потому тревожнее. Тревога возрастала и оттого, что сотни семей не могли принять без мужчин никакого решения. Мужчины же были на фронте или сооружали в Приднепровье оборонительные рубежи. Паникеры пугали слухами, что вся трудовая армия окружена немецкими танковыми частями, а затем не то разогнана, не то уничтожена. Другие обнадеживали, уверяя, что армия саперов преобразована в воинские соединения, вооружена и не без успеха ведет тяжелые оборонительные бои. Третьи мутили воду, нашептывая, будто армия эта давным-давно распущена за ненадобностью противотанковых рвов, которые она сооружала, и что с часу на час можно ждать возвращения трудармейцев в родные края. Кто-то шепотком распространял и такой слушок, будто вражеские танковые дивизии продвинулись уже до самого Северского Донца и оседлали дорогу Москва — Донбасс, так что ни одному эшелону с людьми или хлебом теперь уж нипочем не пробиться на север.

В этой суматохе, совершенно сбитая с панталыку, Наташа не знала, что делать, на что решиться. А на путях, неподалеку от шахты «Берестовка», стоял уже, как говорили, последний эшелон, и паровоз сипел так, будто его мучила одышка. В вагоны спешно грузились семьи фронтовиков с мешками и чемоданами, горнячки и престарелые коммунисты.

Наташа, как ни страшил ее неведомый путь, как ни стращали ее тяжестью предстоящих испытаний поселковые кумушки-всезнайки, не находившие в себе решимости расстаться со своими домишками, в последнюю минуту вспомнила наказ Андрея: в случае опасности ни за что не оставаться в Торецке, а любым способом выбираться с Игорьком в тыл, взяв с собою лишь самое необходимое.

«Но куда же я поеду, да еще без тебя? Кто и где нас ждет?»— в слезах спрашивала Наташа. «Как это?— возмущенно возражал Андрей.— Ты отправишься в тыл, к своим, русским людям, значит, не пропадешь. А я, если меня к тому времени не возьмут в армию, тоже буду пробиваться к своим».

И вот теперь, в эту тягостную минуту, она наскоро обрядила сынишку, сунула в баул его одежонку, два-три попавшихся под руку платья, взяла загодя приготовленную Лукьяновной сумку с хлебом и сахаром, распрощалась с родными и соседями и заторопилась к эшелону. Лукьяновна едва поспевала за невесткой, не выпуская из своей сухонькой руки ручонку внука, теплую и трепетную.

Наташу с малышом зазвала в товарный вагон старая коммунистка Авдотья Егоровна Муравлева, приметная уже одним тем, что на отвороте ее заношенной, расхожей жакетки светился орден «Знак Почета». Суровая с виду и молчаливая, похожая своим черным одеянием на раскольницу из дремучих керженских лесов, эта труженица хранила в своей вдовьей душе столько доброты и тепла, что скупой на сентиментальные излияния рабочий люд нарек ее шахтерской матерью.

— А чей же это кавалер такой сурьезный?— ласково, нараспев заговорила Муравлева, протягивая навстречу малышу руки. Она, конечно, уже успела лукаво кивнуть подруге своей шахтерской юности Лукьяновне и понять, что этот белоголовый карапуз — отпрыск и продолжатель славного русаковского рода.

Авдотья Егоровна переложила тощий узелок, вместивший все ее пожитки, и радушно приняла себе в соседство и пятилетнего Русакова и его безутешную, подурневшую от слез мамашу.

Рядом с ними ловко угнездилась среди пухлых узлов с одеждой и мешков с провизией жена заведующего шахтой «Берестовка» Мария Капитоновна. Чуть ли не полвагона занял со своим имуществом начальник отдела рабочего снабжения Федюнин. Толковали, что ему поручено сопровождать в тыл тюки мануфактуры, изъятые со склада, и солидную денежную выручку, которую магазинам некуда было сдавать: банк эвакуировали накануне.

Женщины потеснились, усадили и приласкали Игорька и попытались ободрить Лукьяновну. Но у старушки не было сил вынести расставание со своим внуком. Не сводя с него глаз, сморщив сухонькое лицо, постояла она у вагона, безнадежно махнула рукой и пошла не домой, а невесть зачем к шахтной конторе.

С отправкой поезда медлили: ждали семью одного из главных работников угольного треста. И вот в эти тревожные минуты ожидания Наталья вдруг решила сбегать домой и еще раз узнать, не возвратился ли Андрей или кто-либо из соседей, находившихся вместе с ним на саперных работах. Она попросила Авдотью Егоровну присмотреть за мальчишкой, а сама — этого она после не могла себе простить!— напрямик, через пустыри ринулась к родному дому. И оттуда с ужасом увидела, как над запасными путями, где стоял поезд, появились немецкие бомбардировщики. Тотчас загрохотали взрывы.

Задыхаясь, она прибежала к железной дороге минут через десять («Не больше, не больше!»— клялась она потом Андрею), но поезда уж и след простыл. Около путей валялась ее сумка с колбасой и хлебом и далеко раскатившиеся яблоки. Во время воздушного налета женщины почему-то выбросили сумку из вагона.

Ошеломленная, утратившая способность что-либо понимать, Наталья долго стояла на песчаном откосе, тупо глядя вдаль, где за поворотом, за придорожной лесной полосой скрывалась железная колея. Небо, дорога, степь — все помрачилось перед ее глазами...

Андрей возвратился два дня спустя, голодный, изможденный, бородатый. Ему, и без того надломленному трагическими событиями на фронте, пришлось вынести еще и это горе. Но, видя отчаяние Натальи, он сумел взять себя в руки и постарался успокоить жену, внушить ей, что свои люди не оставят мальчонку в беде.

Всякий раз, когда кто-либо в семье ненароком произносил имя Игорька или вспоминал его невинные проказы, у Андрея сама собою никла голова, а глаза Лукьяновны туманились слезою.

Долго после того никто из Русаковых не мог без боли сердечной видеть в «бабушкиной комнате» детскую кроватку под байковым одеяльцем василькового цвета, игрушки, забытые в спешке стоптанные башмачки из коричневой кожи и рубашонки с вышитыми на кармашках вишенками и зелеными листочками. Эти меты мать и бабушка вышивали в свое время для того, чтобы в детском саду Игорек мог находить свое белье без посторонней помощи.

Лукьяновна, не в силах терпеть каждодневную му́ку, убрала Игорьковы вещи подальше, а его кроватку упрятала в кладовой, находя горькую отраду в надежде, что, если, не дай бог, внучонок не возвратится когда-либо в родное гнездо, у нее будет над чем вспомнить о нем и поплакать украдкой.

Лишь спустя несколько месяцев Андрей при-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1, 2.

терпелся к душевной боли, а Наташа заставила себя поверить в то, что Авдотья Егоровна не покинет Игорька на произвол судьбы и возвратится с ним в Донбасс, как только это станет возможным.

Семья Русаковых была одной из тех рабочих семей, в которых нерушимо царят взаимное уважение и доброе согласие. В ней всегда делили между собою радости и невзгоды. Это позволяло Русаковым и в нынешних тяжелых обстоятельствах жить, надеяться, ждать.

IX

Лукьяновна не находила покоя. Андрей и в двадцать шесть лет казался ей по-прежнему нуждающимся в неусыпном присмотре. С возрастающей тревогой она металась по дому и двору, приникала к щелям в заборе и неотрывно глядела вдаль, на огибавшую террикон дорогу, откуда должен был появиться сын.

А когда не стало никаких сил, Лукьяновна, с жалостью посмотрев на Макара Федотовича, упрекнула:

— Отец, ну что ж ты сидишь? Сходил бы хоть к реке, посмотрел, не идет ли.

Вчера слова Андрея, доказывавшего, что на базар лучше всего отправиться ему, казались матери разумными и убедительными. Нынче она поняла, что сходить в город он вызвался лишь потому, что хотел избавить родных от возможных злоключений. А не идти кому-либо было нельзя: скудные запасы продуктов иссякли, и уже не один день Лукьяновна, горестно вздыхая и сокрушаясь, оделяла каждого картофелиной со щепотью соли да кусочком ломкой кукурузной лепешки.

«Конечно,— в непрестанной тревоге рассуждала Лукьяновна,— Андрюша прав, до города неблизкий путь: семь километров туда и семь обратно, но неужели ради семьи я не одолела бы эту дорогу? Ведь мне знаком там каждый пригорок! Небось, не умаялась, шла бы не торопясь... А если и с поклажей, так «своя сермяжка не важка»[1]. Она никак не могла простить себе, что допустила такой промах.

Но еще больнее исчезновение Андрея отозвалось в душе старого шахтера. Поначалу сетования жены и невестки показались ему проявлением обычного женского малодушия. Притворно бодрясь, он укорял их за беспричинную слезливость и паникерство:

— То-то бабы! Захлюпали...

Но к вечеру, не дождавшись Андрея, старик сгорбился, посуровел. Он побрел в конец огорода, остановился у тына под раскидистой вишней, уставился на сбегающий к Кальмиусу косогор, надеясь увидеть на тропинке знакомую фигуру сына в полинявшей от усердных стирок тужурке и потертой кепчонке в сизом глею[2]. В этой одежде Андрей всегда спускался в шахту, а нынче надел для того, чтобы выглядеть в толпе неприметным обывателем.

«А ну как не вернется?»— пугаясь самой этой мысли, спохватывался Макар Федотович, сжимая пальцами шершавые колья ограды.

Он оглядывал в тоске безлюдные усадьбы заречья, синие в предвечерье терриконы и думал лишь об Андрюше. Учился тогда Андрей на третьем курсе вечернего отделения политехнического института. Утром он по гудку отправлялся вместе с отцом на шахту и всю смену, погромыхивая кожаной сумкой со слесарным инструментом, торопливо шагал от забоя к забою, копался в рубильниках и компрессорах, прислушивался к прерывистому, как бы все время захлебывающемуся от натуги рокоту врубовых машин и сопению поршневых насосов, улавливая на слух малейшие помехи. Забежав после работы домой и умывшись на скорую руку, Андрей, жуя на ходу хлеб и колбасу, торопился со свернутыми в трубочку тетрадями к трамвайной остановке. Из города после лекций он возвращался затемно, когда родители уже спали. Проголодавшийся, усталый, он, осторожно ступая по скрипучим половицам, проходил на кухню и с жадностью набрасывался на приготовленный матерью овощной салат. Потом принимался за свое любимое лакомство — крепкий чай и поджаренные тонкие ржаные сухарики, в которых ему чудился вкус шоколада.

Глаза его тем временем неотрывно бегали по страницам учебника. Так он просиживал до первых петухов, выгадывая для сна не более пяти часов.

Макар Федотович немножко завидовал сыну. Если бы и ему выпало такое счастливое детство и юность! А то и вспоминать неохота. Девятилетним хлопцем, он, Макарка, с такими же, как сам, соседскими оборвышами выбирал из пустой породы на терриконе уголь, в четырнадцать — с гиком и лихим посвистом гонял по продольным ходам в шахте партии вагонеток, а в шестнадцать приспособил себе на шею лоснящуюся от пота лямку, впрягся, как лошадь, в каторжные тягальщицкие санки и верил, неколебимо верил, что залог счастья человека — его неустанный труд. И это когда? При шахтовладельцах, при частном капитале. А уж теперь ли, при машинах да при шестичасовой смене, не поработать в охотку?!

Старый шахтер всячески поощрял трудолюбие сына и в душе гордился его упорством. Может, поэтому ему как отцу и запомнился случай, по существу, малозначимый, преходящий, когда в поведении сына он заметил нерешительность и колебание. В слякотный осенний вечер после работы в шахте, после трех-четырех часов непрерывного чтения учебника у Андрея, видно, иссякли силы. Он вышел из комнаты и, увидев отца, проговорил, не то жалуясь на усталость, не то робко испрашивая позволения: «Я пойду погуляю?» И в самих словах, и особенно в просительном тоне, каким они были произнесены, и в слегка сутулой фигуре сына Макар Федотович почувствовал как бы осознание Андреем вины: вот, мол, надо готовиться к экзаменам, а я, как беспечный шалопай, готов попусту болтаться на улице. Во взгляде сына, робком и виноватом, Макар Федотович уловил ожидание того, что его начнут сейчас отчитывать и вразумлять; и в душе старого шахтера всколыхнулась такая щемящая любовь к этому подвижнику, такая жалость, что он, выйдя из кухоньки навстречу Андрею, сказал, насколько сумел душевно, мягко: «Ну что ж, поди, сынок, освежи маленько голову, потопчись часок-другой». И Андрей, увидев отца неожиданно сговорчивым и добрым, ответил ему взглядом, полным сдержанной благодарности и трогательной сыновней любви.

И вот теперь, в горестном раздумье всматриваясь в минувшее, отец точно наяву увидел тогдашнее утомленное лицо сына, взъерошенные волосы на его голове, сутуловатую фигуру с устало опущенными плечами.

Ах, Андрюша, Андрюша...

...Он вообще рос покладистым хлопцем, никогда не прекословил родителям, не доставлял огорчений. Но сейчас Макар Федотович верил, что допустил в воспитании сына какой-то непоправимый просчет, не сумев предугадать, что в жизни человеку, оказывается, мало быть порядочным и работящим; в иную пору нужна еще изворотливость и хитрость. «Вот он и на окопах хоть и командовал целой ротой, а сам копал землю наравне с другими. Иной свистун то прикинется больным, то два часа вострит лопату — абы день до вечера, а Андрею совесть этого не дозволяла. Через нее, можно сказать, и в ловушку попался. Другие соберут ночью свои пожитки и украдкой — деру домой; а он со своей ротой не посмел своевольничать, ждал приказа. Да так и не дождался. Пошел домой, когда немцы уж до Волновахи прострунили. А приди чуть пораньше — не маялся бы с голодухи и не хуже других сейчас командовал бы в армии. Ах, Андрюша, Андрюша...»

Он думал так потому, что не находил ничего другого, чем можно было бы исцелить свою исстрадавшуюся душу. Сейчас, если б только это было возможно, он ради спасения Андрея не пощадил бы и своей жизни. Да, он готов был и на это и сознавал свою готовность с той суровой рассудочностью, которая владеет любящим человеком, когда любовь возвышает его до самопожертвования.

Сумерки становились все гуще и непроницаемее. Из поймы обмелевшего Кальмиуса тянуло холодком. Свежо запахло сиренью, и это до щекотания в глазах, до спазмы в горле напомнило о былом покое на этой земле, когда человека радовали и неприхотливые запахи двора, и колебание былинки на ветру, и теньканье пичуги в зеленых кущах.

Макар Федотович долго стоял у частокола, поеживаясь от холода и ожидая, не вспыхнет ли по ту сторону лощины, средь городских кварталов случайный огонек, не появится ли на косогоре силуэт человека, не хрустнет ли камушек под его ногой. В тоскливом ожидании он продолжал строго судить свою жизнь, свои былые назидания сыну и, хотя это не принесло ему облегчения, он мало-помалу укрепился в том убеждении, что нет, не виноват он перед Андреем. Честный труженик, довольный своей шахтерской работой, извечным нерушимым ладом в семье, он и сына готовил для жизни деятельной и разумной, не рассчитанной на случайную удачу. Виноваты перед Андреем злобные пришельцы, что саранчой налетели на донецкую землю и надеются добыть для Неметчины блага грабежом и разбоем.

В сумерках уже ничего нельзя было различить, и Макар Федотович потерял надежду дождаться Андрея. И все-таки непонятная, неодолимая сила повлекла его за частокол, к перекинутой через трясину, осевшей в грязь узкой гати. Тут было еще пустыннее и холоднее. Над сырой низиной холстами стлались туманы. В сухой, тревожно шелестящей куге уныло, заупокойно ухала выпь: «Гу-у... Гу-у...» То ли изнемогла от страданий душа, то ли удручающе печальны были шорохи трав и стоны выпи — совсем закручинился старик, пал духом. На его глаза непрошено набежали слезы. Он ткнулся лицом в шершавый рукав и зашептал с безутешной отцовской скорбью:

— Сыночек, сыночек...

Вконец удрученный, ступая наугад, он поплелся к дому.

Лукьяновна, тревожно ожидавшая мужа у порога, и спрашивать ничего не стала: посмотрела на его поникшую голову и поняла все без единого словечка. И он, шаркая сапогами по железной скобе, раскидывая ошметки грязи, тоже медлил, молчал.

— Нету, не видно нашего малого,— сказал он наконец неожиданно сердито.— Похоже, сграбастали эти, не к ночи будь помянуты... людоловы.

Насупившись, он прошел на кухню, сел, понуро опустив плечи, к окну и стал перебирать в памяти события последних лет и дней. Зачем, зачем понадеялся он, что немцев измолотят не дальше, как на Днепре! Пусть не было поездов — надо бы, как другие, надеть какую поплоше одежонку, кинуть в кошелку харчишек и уходить всей семьей за Дон, к Волге... Правда, мать не соглашалась, умоляла слезно: «Дождемся Андрюшу, а тогда, с ним вместе, хоть на край света». Дождались... И вот она, погибель...

Думая, он клонил ухо к окну, ловил тишину, до краев налитую тревогой. Со двора тонким сквознячком несло запахи сырой земли, клейких тополевых листьев. В кромешной темноте ему чудилось то сдержанное покашливание, то скрип калитки. Вслушивался, переставал дышать. Нет, Андрея все не было.

— Окаянные! Когда придет на них погибель?— простонала Лукьяновна, поднимая к глазам краешек линялого фартука.

— Придет, придет им, собакам, расплата! — сквозь слезы сказала Наталья...

Допоздна не зажигали огня — опасались чужого глаза. Немцы настращали их изрядно: нахлынули в город, и с наступлением темноты патрули били по светящимся окнам из автоматов. А теперь не стало житья и от своих, доморощенных негодяев: полицаи в кургузых чужеземных шинелишках тычутся в подлом усердии носами в ставни, высматривают, чем занимается народ, не появился ли у кого подозрительный человек.

Уже в темноте Лукьяновна наглухо занавесила окно рядном. Запалив от печного жара бумажку, засветила лампу, разложила на порции сваренные в мундирах картофелины и пригласила домочадцев вечерять. Но ни Макар Федотович, ни Наталья в этот вечер так и не сели к столу.

X

...Русаков осмотрелся. Наверху протрещали выстрелы. Взвизгнули пули. Стреляли вдогонку, наугад. Сквозняком оттуда несло кислую

[1] Своя свитка не тяжела (укр. поговорка).
[2] По-местному, по-донбасски так называют сланец.

вонь порохового дыма. Над головой беглеца серым квадратом обозначалось устье ствола, и оттуда еле-еле сочился свет. Закрыв глаза и помедлив, чтобы освоиться с темнотой, Андрей разглядел смутно проступавшие в сумраке звенья деревянного сруба. Канат под тяжестью его тела раскачивался плавно, точно маятник. От него пахло смолистой смазкой. Этот любимый Русаковым запах механических мастерских отчасти утихомирил владевшее им чувство страха. К тому же он ощутил, что его руки и ноги как бы прикипели к канату: отвердевшая за многие годы смазка была подобна канифоли.

На срубе, в метре от себя, Русаков заметил черневший проем в виде усеченной пирамиды. Расслабив с величайшей опаской ноги и перехватывая канат руками, он опустился чуть ниже и рассмотрел отверстие в срубе. Это был ход на один из горизонтов, где когда-то добывали уголь. Ход был наглухо заделан дощатой перемычкой, но между нею и отвесным провалом ствола оставался каменный выступ шириною в шаг, не больше. Андрей, не раздумывая, оттолкнулся ногой от скользкого дубового сруба, качнулся в противоположную сторону, к перемычке, и, уловив момент, зацепился ногой за крепь. Трухлявое дерево хрустнуло, и он едва не сорвался в пропасть. «Бал-л-да!» Он повторил попытку с чрезвычайной осторожностью: ногу на каменный выступ поставил более твердо, глубоко запустил пальцы под крепь, потом, плавно переместив тяжесть тела на ногу, чуть помедлил и легонько оттолкнулся от каната. На выступе он поскользнулся, потерял равновесие и... к счастью, грохнулся на камни. Теперь каждое неосторожное движение грозило ему неминуемой гибелью.

Он судорожно нащупал в темноте искореженные железные прутья и ухватился за них.

В памяти внезапно повторилось жуткое видение: мешковатая, хищно изобчившаяся фигура Путэра, его уродливо вывернутая за спиной рука с пистолетом, беспощадные глаза.

«Не будут ли преследовать меня?» — содрогнулся Русаков, дико озираясь. Перед глазами что-то мелькнуло. «Еще один!» — полыхнуло в его сознании. Он затаил дыхание, напрягся. «Так долго? Так глубоко?» Нет, он так и не услышал удара тела о воду: глубина ствола была непостижимой.

Выстрелы грохали наверху один за другим, и тела пролетали мимо, в пропасть. Вдруг раздалось истошное, отчаянное: «А-а-а!» — и оборвалось. Это там, наверху, кто-то оступился в ужасе, или изверги опять столкнули кого-то живым...

Постепенно глаза Русакова начали отчетливее различать устье хода, узкий выступ, на котором ему удалось закрепиться. Он судорожно жался к перемычке, боясь, что немцы осветят ствол и обнаружат его.

Но что же дальше? «Но смогу ли я выбраться отсюда ночью по канату? — всполохнулся он, пугливо выглянув из-под каменного свода.— Высоко! Не меньше ста метров. Ах, если бы я не сорвал кожу с ладони!... А не покричать ли ночью? Может быть, жители окрестных улиц знают о расстрелах на «Калиновке» и приходят сюда украдкой, слушают, не стонет ли кто-нибудь в шахте? А вдруг там дежурят эти негодяи из гестапо? Нет, с одной рукой я все равно не вылезу, не хватит силенок»,— с горечью разуверил он себя.

Новая мысль ужаснула Русакова: спасшись от расстрела, от смерти мгновенной, он обрек себя на медленное, мучительное умирание.

Эта мысль, способная в человеке слабой души убить волю к сопротивлению, в Русакове породила неистовый порыв к жизни. Ему так захотелось жить — жить, дышать, бродить по земле, видеть людей, слышать их голоса, задирать голову к звездам, нет, пусть даже не к звездам, а к дымчатому, хмурому небу!..

Вдруг он вспомнил: «Как они девочку-то...» Опять он почти наяву увидел щекотавшие ему лицо голубые ленточки в косичках девчушки, ее стоптанные каблучки, а в ушах отчетливо зазвучали ее шепоток, ее мольба: «Дяденька, не убивайте меня». «Почему я не спросил у нее имя? Да зачем же спрашивать, если мне самому оставались считанные минуты!» Сердце его колотилось бешено, неукротимо, он задыхался от гнева: «Звери! Звери!»

Что такое? Показалось или... Сверху сеялось что-то похожее на муку или соль тонкого помола. «Они, наверное, предполагают,— встревожился Русаков,— что я или тот, другой, что с воплем сорвался в ствол, живы, и теперь сыплют сюда какую-то отраву!» Он принюхался. Белый порошок не имел запаха. «Ах, да! — это же они сыплют каустическую соду. Когда нас усаживали на грузовик, гестаповцы волокли к машине туго набитый мешок и на вопрос Путэра пробубнили: «Каустик, каустик...» Боятся эпидемии!.. Ах, какие предусмотрительные, педантичные стервы!»

Русаков прижался к перегородке, шаря пальцами по доскам, выискивая отверстие.

У его ног с тихим шорохом осыпалась глина, которой рабочие по вентиляции обмазывают тесовые перемычки, погашая заброшенные горные выработки. Две-три грудки сорвались в ствол, и опять оттуда, из бездонной пропасти, не долетел ни один звук.

От ощущения бездны захватывало дух. Пальцы еще нетерпеливее забегали по доскам, выискивая в них выступ или щель, за которые он мог бы ухватиться в недобрую минуту. Глина в одном месте податливо продавилась и зашуршала, осыпаясь по другую сторону перемычки. Хмелея от радости, Русаков просунул в отверстие ладонь и стал крошить, обламывать края доски. Повеяло прелой листвою, грибами. Так всегда пахнет в сырых выработках с прогнившими стойками, облепленными бурыми куделями моха. Русаков жадно раздувал ноздри.

Воздух с тоненьким посвистом сочился в щели перемычки, приятно холодил беглецу лицо и шею. «Ух, как тянет! — обрадовался Русаков.— Значит, за этой перегородкой есть сквозной ход». Он с лихорадочной поспешностью устремился мыслью дальше, дальше.

Проламывая лаз, он подбадривал, торопил себя, не замечая, что нещадно ранит и правую руку. «Как жаль, что я без ботинок,— сетовал он.— Будь я обутым,— проломил бы эту трухлявую стену в два счета: ахнул бы ногой — и готово. Но все равно нужно спешить, а то, если долго стоять над обрывом, я истощу свои силы, и тогда мне каюк».

Дыра в стене становилась все шире и шире, и когда она оказалась достаточной для того, чтобы в нее можно было пролезть, Русаков, держа раненую руку на отлете, с проворством сорванца, ныряющего в ограду чужого сада, протиснулся меж досок, спрыгнул на острые глыбы породы и замычал от боли.

Прежде чем отважиться на неведомый, быть может, гибельный путь, Русаков опустился на скользкие глыбы и задумался. «А что, если ход где-то завален породой? А вдруг вдалеке от ствола я забреду в глухой забой и мне не хватит кислорода? Тогда я возвращусь назад и, хоть это не сулит удачи, попытаюсь выбраться ночью на-гора по канату. Нужно помнить, далеко ли отойду я от ствола. Придется считать шаги и делать их покороче: два шага — метр пути. И если, не дай бог, придется возвращаться, я буду знать расстояние, смогу расчетливее расходовать свои силы».

С этим напутствием самому себе он поднялся с камня, нащупал справа трухлявые крепежные столбы, закинул за голову больную руку и двинулся в глубь коренного хода. Он ступал сначала боязливо, сторожко, затем пошел увереннее и быстрее. И одновременно с шагами начал считать твердо, раздельно:

— Раз... два... три... четыре...

Продолжение следует.

В ДРЕВНЕМ СУ

Л. ЛУКЬЯНОВА

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

В Москве настоящую зиму со снегом, с морозами помнят, наверное, только старожилы. А про русские тройки, про скоморохов и ряженых даже эти самые старожилы знают только из книжек. Теперь представьте себе, что совсем недалеко от Москвы, в каких-нибудь двухстах километрах, в городе Суздале, сейчас зима. Да не простая, а с катанием на тройках, со скоморохами, хороводами, с весельем и радостью... Словом, праздник, который так и называется — «Русская зима». И с каждым годом этот праздник собирает все больше и больше поклонников. Ведь ни для кого не секрет, что, привыкая к сутолоке будней, мы чувствуем себя немножко растерянными в праздники, иногда не знаем, куда себя деть, чем заняться. И как не позавидовать нашим дедам и прадедам, которые придумали столько игр, столько обычаев, что мы им удивляемся и радуемся и сейчас!

...Мы привыкли к многоцветью афиш и неону реклам. Сногсшибательные туалеты модниц задерживают на себе наш взгляд ненадолго. Но, увидев ряженых, вы остановитесь, даже если спешите куда-то.

Нас ничем нельзя удивить, мы строим синхрофазотроны и летаем в космос, наши дети в первом классе учат алгебру, а в пятом говорят о теории относительности. Но и мы и дети замираем при виде фантастически прекрасной тройки, будто сошедшей с палехских миниатюр.

Суздальский карнавал затягивает в свое бесконечное кружение постепенно. И как только он овладевает вами полностью, все необычное становится естественным, все чудеса оборачиваются явью. И кажется, всегда разъезжал Емеля по городу на своей печке, а Дед Мороз, несмотря на то, что в последнее время их развелось очень много, больше всех виденных похож на настоящего...

Тривиальна истина, говорящая о том, что человеку необходим праздник. А в наше время он ему нужен особенно. Такой вот, как «Русская зима»,— с удалью беспечной, с весельем, бьющим через край, со смехом до слез... Чтобы сердитый стал добрее, расстроенный улыбнулся, а просто скучный человек вдруг понял, что жить-то можно веселее...

ЗДАЛЕ

НЕ ТОЛЬКО ОБ ОХОТЕ НА ВОЛКА

«Митька плечом шибанул дверь, влетел с клубами морозного пара в хату, перекошенным ртом крикнул:

— Волки!»

Так энергично начинает Борис Куликов свою повесть «Облава». О чем она? О бескрайней степи, где в безмолвии лютых крещенских морозов еще можно услышать одинокий вой волка. О людях, и хороших и плохих, которые живут в этой степи, работают на этой земле, пасут скот, растят хлеб. О последних степных волках — гордых и красивых животных и о том, как те же люди жестоко и бездумно истребляют их.

Мир природы и мир человека раскрыт Куликовым в их сложной диалектической слитности, так что за первым сюжетным планом возникает другой, затем следующий, и произведение обретает глубину и значительность.

...Последняя в округе волчица появилась во владениях степного колхоза. Тогда-то и раздался прозвучавший в первой фразе повести крик «Волки!», нарушив гармонию привычного существования, резче обозначив характеры, ярче проявив натуры.

«Убить волка!» — этим желанием объединяет писатель очень разных людей: молоденького ветфельдшера Митьку, тоже загоревшегося охотничьим азартом; отвратительного в патологической жестокости, уродливого истребителя деревенских кошек и собак Гнуса; Ступкина, этого большого любителя поохотиться на волка, да не просто как-нибудь, а с автомобиля; престарелого сторожа кошары деда Ивана и председателя колхоза Плахотина.

Конфликтная ситуация, правда, уже назревала. Было решено создать в колхозе культурное пастбище. Семена трав в районе пообещали, а где брать тысячи метров проволоки, сотни бетонных столбов, трубы, электромоторы? В «Сельхозтехнике» лишних фондов нет, вот и приходится председателю колхоза Плахотину ехать на поклон к шефу — начальнику шахты Ступкину, который тоже не очень-то щедр, а точнее, предпочитает «дашь на дашь». На этот раз счастливый случай благосклонен к председателю — охота на волка как раз та ставка, за которую богатый шеф выделит все необходимое для колхоза.

Для выявления нравственного конфликта повести, пожалуй, наиболее важны характеры Плахотина и деда Ивана — людей, в глубине души своей честных, глубоко болеющих за дело. Но личная порядочность откорректирована у них грустной житейской необходимостью, заставляющей порой именно для пользы дела поступаться теми или иными принципами. И вопрос заключается в том, следует ли, а если да, то до какой степени, идти на нравственный компромисс, возможно ли почувствовать ту почти неуловимую грань, за пределами которой добро легко может обернуться злом? Эту-то сложнейшую проблему и ставит перед внимательным читателем автор повести.

...Митька, протестующий против несправедливости принесенного председателем акта, по которому на несчастную волчицу свалили четырех овец, пошедших для угощения шефов; юный, неопытный Митька с его стихийным бунтом, идущим от жалости к убитой волчице и застреленному во время облавы верному псу; с бунтом, вызвавшим ироническое замечание деда Ивана: «Выть тебе волком за твою овечью простоту»,— вот где раскрывается в конечном итоге идея повести — необходимость сопротивления бесчеловечности, жестокости, лжи.

Все это не означает, что автора нельзя ни в чем упрекнуть. Ему, например, изменило чувство меры при создании образа Гнуса. Этот персонаж излишне утрирован и явно нарушает стилистическое единство «Облавы». Не всегда Куликов сохраняет меру и в отборе «местных речений», что особенно бросается в глаза в диалогах.

Но эти просчеты не умаляют значения повести.

В. ЕНИШЕРЛОВ

Борис Куликов, Облава. «Наш современник», 1974, № 8.

Александр **СУКОНЦЕВ**

ДИАЛОГИ

ВЛЮБЛЕННЫЕ

— Толь, а Толь...
— Чё?
— Пошли в кино?
— А на чё?
— На «Настоящего мужчину».
— Не.
— А чё?
— Нудь.
— Ты был?
— Не. Витька сказал.
— А он был?
— Не. Ему Ларка сказала.
— А чё дела бум?
— Пошли к Витьке.
— А че?
— Маг... и вообще... посидим...
— Да ну...
— А чё дела бум?
— Пошли в загс?
— Чё мы там потеряли?
— Распишемся...
— Не.
— А чё?
— За паспортом итти...
— Ну, билеты возьмем.
— На чё билеты-то?
— В салон новобрачных.
— А чё там?
— Поглядим.
— Чё глядеть-то?
— Чё почём.
— А-а... Пошли...

ДА, НО...

— Прекрасный человек Сергей Порфирьевич, не правда ли?

— Да, но...

— Посмотрите, как он улыбается собеседнику. Как он к нему внимателен!

— Это его начальник.

— Но вы же видели, как он был сегодня утром ласков с детьми.

— Это были его дети. От первого брака.

— Бережлив. Копейки зря не потратит.

— Из своего кармана.

— Прекрасный хозяин.

— У себя в доме.

— Замечательный оратор. Его выступления всегда остры, критичны.

— Но не самокритичны.

— Он скромен, никогда не выставляет себя вперед других.

— Когда от слов надо переходить к делу.

— Непримирим к недостаткам.

— К чужим недостаткам.

— Он готов прийти на помощь товарищу.

— Но чтобы все это видели.

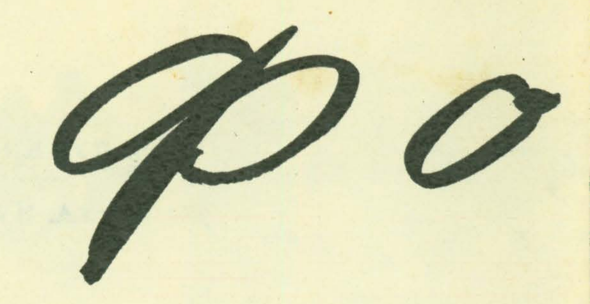
— Постоянно работает над собой.

— Двенадцатый год учится заочно в техникуме.

— Послушайте, почему вы все время мне противоречите? В конце концов я читал официальную характеристику на Сергея Порфирьевича.

— Да, но писал ее я...

М. ВИЛЕНСКИЙ



Задумчиво покачивая зеленой лапой, елочка-подросток объяснила Урбатову, что в городе он жил, как идиот. Кряжистые елочкины родственники, обступившие поляну, шумно вздыхали над горестным прошлым Урбатова. А он лежал на мшистой кочке-подушке под елочкой, переживая философскую революцию и нравственное обновление.

«О, как неправильно я жил в городе! Зуд покупательства, чесотка потребительства трясли меня, как током. И вот сейчас я упал в траву-мураву, заземлился и познал высшую истину. Чем я, в сущности, занимался в городе? Готовился к покупкам и покупал. Приглядывал, грезил, подсчитывал, покупал в кредит и за наличные, выплачивал один кредит, оформлял следующий. Жене, себе, семье — платформы, сапожки, мохер, нейлон, бонлон, поролон, кримплен, гарнитур, спальня, столовая, кухня, пластик, пленка, плитка черная, голубая... Надо, надо, надо! А почему, собственно говоря, кто сказал, что надо? Цигейка, нерпы, пыжик, ондатра — все, как у людей, чтоб не хуже. Темп, темп, темп, «Темп», цветной «Рубин», «Соната», «Комета», «Грундиг», «Филипс», моно, стерео, колонки, комиссионки, сдать, взять, добавить, купить... О кошмар, о суета сует, вязкая и никчемная, зуд зудов, самораздражение духа. Но теперь все, все, все!»

Высшая правда бытия открылась ему. Этот лес, облака, каждая былиночка — в них, а не в покупном барахле неизбывный смысл жизни. Здесь ему бесплатно принадлежит мир. Да что говорить — вон тот дятел с его тук-тук-тук-тук во сто раз прекраснее и ценнее японского стереомагнитофона!

— Все! — сказал вслух Урбатов.— Увольняюсь — и в деревню! В лесники! Надо мной, чтоб вечно зеленея, темный дуб склонялся и шумел. Только так! Решено.

Урбатов вскочил, подхватил с травы прозрачный полиэтиленовый мешочек с тремя сыроежками и одной поганкой и, расправив плечи, двинулся туда, где по его предположениям находилась лесная глухомань.

— Да, да, только так! — шептал он победно.— Здесь все первичное, настоящее, а в городе все вторичное, производное, искусственное.

Тихая небесная голубень сквозила в еловых ветвях. Изумительное ощущение обновления и выздоровления нахлынуло на Урбатова. Раздув ноздри, он вобрал в грудь чуть ли не кубометр лесного духу, отчего синяя курточка с полосатым трикотажным воротником («Мейд ин Гонконг») зашуршала, натянулась в плечах и верхняя кнопка с треском расстегнулась.

Наверное, он промахнулся и не попал в глухомань, потому что уж очень скоро оказался на опушке. Перед ним желтело полуостриженное поле, которым владели два механических красно-бурых чудища. Один самоходный комбайн, стрекоча, борзо пасся, пожирая колосья, набивая утробу зерном и изредка роняя на землю тюки соломы. Другое чудище было недвижимо. Комбайнер с помощником, оба в голубых майках, стояли на коленях перед мотовилом. Один лупил молотком по согнутым зубьям огромного железного гребешка, другой смотрел.

«Или подамся в комбайнеры,— думал, подходя к ним, Урбатов.— За работой земляной свою рубашку скину, и в спину мне ударит зной и обожжет, как глину». Поэтические цитаты, прославляющие натуральную жизнь, сегодня перли из Урбатова гирляндами.

— Привет, ребята! — хорошо, по-народному сказал Урбатов.— Чего стряслось-то?

— Да вот ножи и зубья переломали,— ответил комбайнер, который без молотка.— Какой-то хрен оставил на поле буксирный трос.— Он кивнул в сторону. Урбатов оглянулся. В колосьях горбом выгибалась толстая ржавая железная змея.— Закурить не найдется?

— К сожалению, ничего,— сказал Урбатов.

— Отдыхающий? Из Москвы?

— Ага.

— Из пансионата «Янтарь»?

— Именно.

— В ваш буфет, что ли, сходить...

— Сегодня закрыт.

— Эх, ты, черт! — огорчился комбайнер.— А до магазина далеко.

— А где магазин? — автоматически брякнул язык Урбатова, не согласовав вопрос с высшими мозговыми инстанциями.

«Ах, мерзкий, недобитый рефлексишко! — возмутился Урбатов.— Притаился в уголке души, как сорняк в канаве. Все равно вырву с корнем!»

Но комбайнер уже объяснял:

— Да в Микше. У нас там что твой ГУМ, только крыша пониже и выбор пожиже. Вон стежка сворачивает в лес — видите? Через лес пройдете, а там тропка сама доведет до Микши. Если чего будете покупать, возьмите, пожалуйста, на нашу долю пачку «Беломора». А то нам тут, видать, до вечера куковать.

При слове «ГУМ» что-то сладко екнуло в душе Урбатова, но он решительно свернул шею недобитому внутреннему супостату и сказал твердо:

— Должен вас огорчить, друзья мои, в магазин я не собираюсь. Мне там делать нечего. Если по дороге кого-нибудь встречу с сигаретами, пошлю к вам. Ну, счастливого вам ремонта...

И почему-то пошел по тропке, показанной ему комбайнерами.

«Это я куда же? Это я зачем же? — растерянно допрашивал он себя на быстром ходу. И тут же очень складно и успокоительно все себе объяснил:— Да ведь люди там, на земле, у искалеченного комбайна ждут курева. Не могу же я подвести их!»

ндю

Через полчаса тропка возвела Урбатова на бугор. Под бугром разбросалась Микша...

Он вошел в двухэтажное кирпичное здание магазина. Внизу был продовольственный отдел. Урбатов мельком глянул на табачный прилавок — «успеется, на обратном пути» — и, пружинисто отталкиваясь от ступеней, взлетел птицей на второй этаж, в промтоварные чертоги.

Ноги сами несли его от прилавка к прилавку. Он приподнимал гладкие крышки радиол, вертел авторучки, глотая при этом слюну, как голодный, собирающийся надкусить слишком горячую сосиску. И вдруг Урбатов замер, как пойнтер, едва не наступивший на беспечную перепелку.

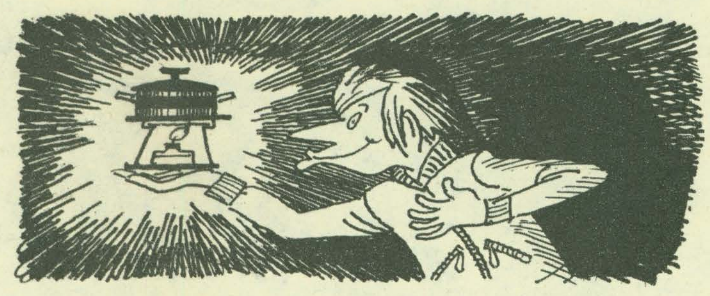
Между набором маникюрных инструментов и рулончиками разноцветных лент стоял или стояло фондю. Фондю! ФОНДЮ! Пыльно поблескивало не понятое местными жителями приспособление, состоящее из кастрюльки с крышечкой, подставки и спиртовки. А между тем это был высокопрестижный инструмент для расплавления сыра и подачи оного на стол в горячем, вязком состоянии. Несколько лет назад фондю проскочили через городские магазины, но тогда он не успел среагировать. И вот теперь редкостная добыча сама лезет в руки. Сдерживаясь, чтобы не сбиться в галоп, Урбатов подошел к кассе и достал из заднего кармана две красненькие бумажки...

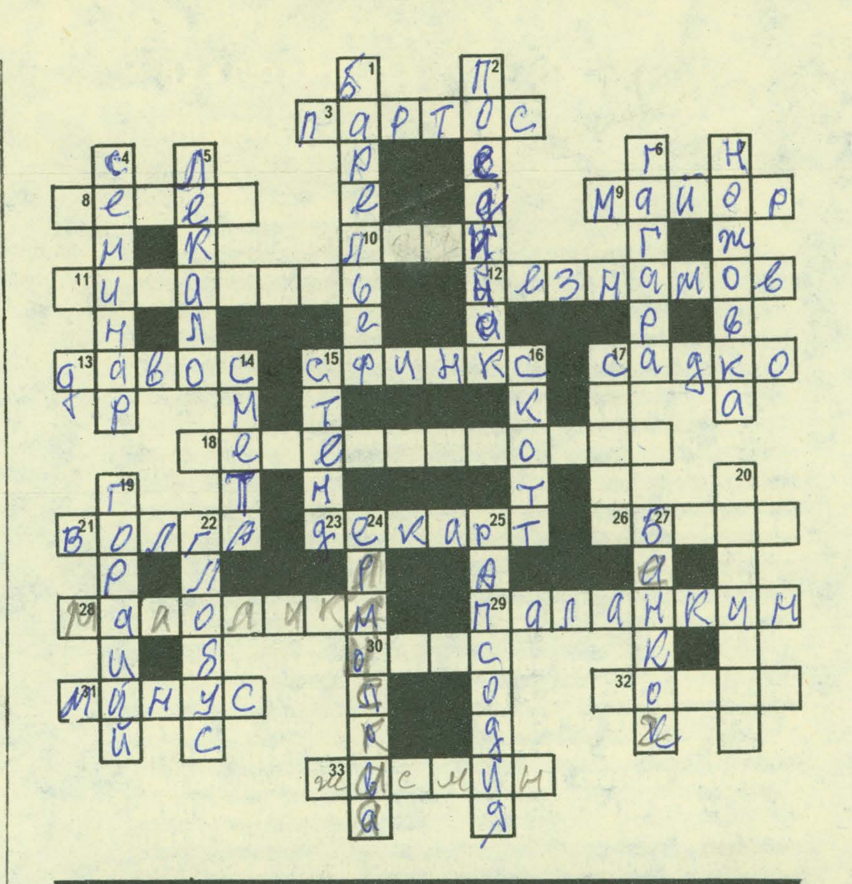
Когда он вышел на улицу, накрапывал дождь. Широким, вдохновенным шагом Урбатов двинул обратно, к «Янтарю». Дождь припустил шибче и осыпал курточку «Мейд ин Гонконг» словно пригоршнями сухого пшена. Над лесом дождь разнуздался вконец. Он хлестал по беззащитным елочкам-сиротинкам, трава взбухла, ручьи кофейными жгутами перемётывались через тропку.

Урбатов скользил и балансировал, косая, мокрая прядь волос прилипла ко лбу, рубашка холодящим компрессом обжимала тело.

«Как они тут живут!.. — подумал он.— Месить весной и осенью этакую грязищу, таскать на сапогах пуды глины... Кошмар». Он увидел свою сухую, чистую квартиру со всеми ее дорогими игрушками для взрослых. У них в гостях Дымоедовы. Урбатов пригласил их на фондю. Румяные тостики из электротостера, кофе в английских чашечках, а под крышкой фондю скворчит и булькает сыр. «Ешьте, дорогие гости, мажьте и ешьте. Это фондю. Неужели вы не знаете? Что же ты, Дымоедыч, просидел в Брюсселе шесть лет, а что такое фондю, не знаешь? Темнота. Жуй и учись. Значит, так. Наливаешь легкого белого вина, всыпаешь шестьсот граммов тертого сыра, приправляешь мускатным орехом и на сильном огне помешиваешь, но не кругообразно, серый ты человек, а восьмерками мешаешь, восьмерками, понял? Сыр плавится, и тогда...»

От картины торжества над загранработником Дымоедовым насквозь измокшему Урбатову стало тепло и весело. «Фондю,— шептал он,— фондюшка, фондюшечка!» — И прижимал к мокрому пузу милейшую коробочку. Как это так удачно случилось, что он напоролся на фондю? Как нашел он этот магазин? Комбайнеры... «Беломор» для комбайнеров! Он остановился с упавшим сердцем. Забыл, начисто вылетело из башки — на обратном пути купить на первом этаже папиросы. Этакая досада! А где их поле? Отмахнувшись от счастливых грез, он уже ясными, трезвыми глазами посмотрел перед собой и замер еще раз. Последняя редкая стайка подлеска отделяла его от поля, именно от того поля, где тогда работали комбайнеры. Теперь там виднелся только один комбайн, покалеченный. Второе бурое чудище куда-то укатило. Урбатов проворно упал под куст, как разведчик, высматривающий, что делается у подбитого вражеского танка. Перед мотовилом горбился некий холмик, накрытый брезентом. Урбатову показалось, что холмик живой. Так и есть — наверху обрисовывались две выпуклости, явно от двух голов. Он прислушался. Сомнений не оставалось — под брезентом тюкали железом по железу. В любой миг комбайнеры могли выглянуть из-под брезента и обнаружить его... Урбатов ползком попятился в лес. Весьма непросто ползти, когда правая рука прижимает к груди ношу. Урбатов полз, как раненый, отталкиваясь ногами, правым локтем и левой рукой от противной, хлюпающей травы. Наконец, почувствовав, что опасная зона позади, он встал и вполне счастливый зашагал в обход, к пансионату.





КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Персонаж романа А. Дюма «Три мушкетера». 8. Шотландский математик, изобретатель логарифмов. 9. Воинское звание. 10. Басня И. А. Крылова. 11. Сорт сливы. 12. Действующее лицо комедии А. Н. Островского «Без вины виноватые». 13. Курорт в Швейцарии. 15. Древнеегипетская статуя. 17. Опера-былина Н. А. Римского-Корсакова. 18. Наука о земной атмосфере. 21. Марка советского автомобиля. 23. Французский философ XVII века. 26. Гуцульский танец. 28. Вид керамики. 29. Женская накидка. 30. Остров в Индийском океане. 31. Математический знак. 32. Спортивный приз. 33. Кустарник с белыми цветками.

По вертикали: 1. Скульптурное изображение. 2. Повесть А. И. Куприна. 4. Групповое занятие по специальной теме, предмету. 5. Фигурная линейка. 6. Водоплавающая птица. 7. Ручная пила. 14. Исчисление предстоящих расходов и доходов. 15. Щит для экспонатов. 16. Английский полярный исследователь. 17. Яркая звезда в созвездии Девы. 19. Римский поэт. 20 Народный писатель Азербайджана. 22. Модель земного шара. 24. Актриса МХАТа, народная артистка СССР. 25. Музыкальная фантазия на народные темы. 27. Столица Бирмы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали: 4. «Жерминаль». 7. Ладья. 8. Кварц. 10. Австрия. 12. Брюква. 14. Шиллер. 18. Дельфин. 19. Паганини. 20. Единорог. 21. Франций. 23. Диктор. 25. Плафон. 27. Стрепет. 29. «Медея». 30. Алмаз. 31. «Поликушка».

По вертикали: 1. Аристотель. 2. Пенька. 3. Иловля. 5. Бажов. 6. Арзни. 9. Ирригация. 11. Сепаратор. 13. Квинтет. 15. Легница. 16. «Юдифь». 17. Снейк. 22. Невельской. 24. Офсет. 26. Ливан. 27. Слепок. 28. Тюлька.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Кандидат физико-математических наук Ю. Тулинов наблюдает за искусственными облаками.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Остров Хейса. Скалы «Близнецы».

Фото Г. Копосова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), В. Д. КУДРЯВЦЕВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 23/XII — 74 г. А 00501. Подп. к печ. 7/I — Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55 Изд. № 192. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 3174.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Б. НИКОЛАЕВ

Фото А. БОЧИНИНА

Кто побеждает в спорте! Конечно же, самые быстрые, самые сильные, самые умелые. Но вот свидетельство фотообъектива, встречавшего многих победителей у финиша: побеждают еще и самые эмоциональные. Не случайно фоторепортеры любят показывать нам победителей, плачущих от счастья.

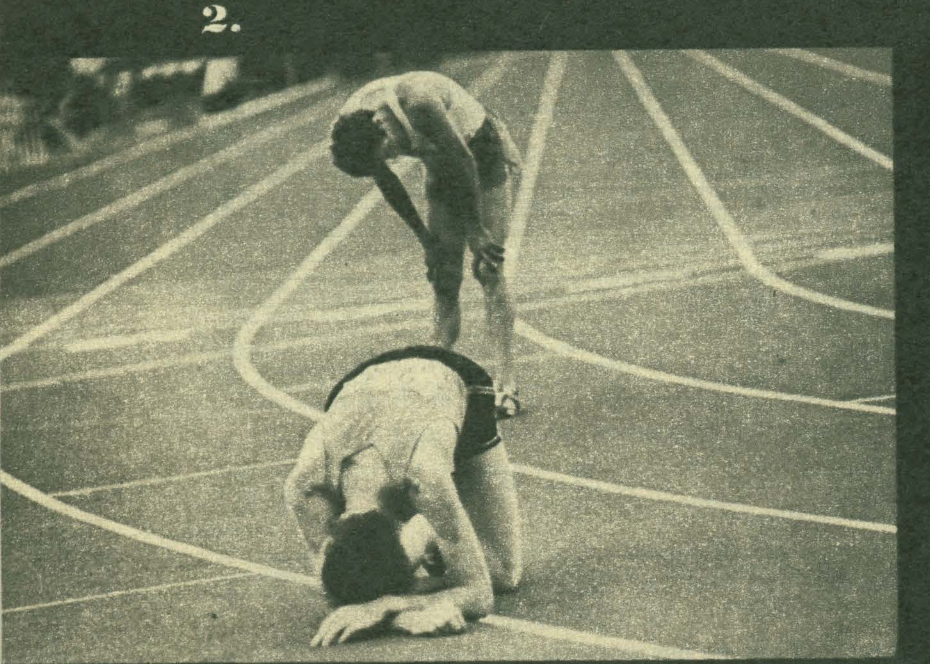
Счастье победы! Как оно украшает бесстрастные цифры рекордов, сухой перечень забитых шайб! Когда над стадионом появляется новая светящаяся строка, мы смотрим не на электротабло, а на лица хоккеистов и вместе с мужественными, суровыми ребятами радуемся меткому броску.

Всмотритесь в лица плачущих от счастья японских волейболисток. Что может быть выразительнее такого снимка!

Так что же такое победа! Это — преодоление себя самого. Об этом и рассказывает фотообъектив. И пусть победа не всегда внешне красива, не всегда изящна (в этом достаточно убедиться, взглянув на покрытые грязью лица двух мотогонщиков), но разве от этого она становится менее прекрасной! Ведь ей отданы все силы—физические и духовные! И хоть часто лицо победителя искажено предельной усталостью, залито потом, это нас не только не отталкивает от спорта, но, наоборот, еще больше привлекает к нему. Чем труднее путь к успеху, тем больше он волнует не только спортсменов, но и зрителей.

1.

2.



ОЧКИ И

3.

1. Счастье.
2. После финиша.
3. Все отдано победе.
4. Команда ликует.
5. Слезы стынут на морозе.

ЭМОЦИИ

4.

5.

135
Цена номера 30 коп.
Индекс 70663